

ТАРЯНЕ

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск I

Омск
Амфора
2015

ББК 84(2Рос-4Омс-5Тар)6
Т 22

Таряне
Литературно-краеведческий альманах

Учредители:

Администрация Тарского муниципального района Омской области
Тарское отделение Омской областной общественной организации
Союза писателей России
Тарская районная общественная организация
«Историко-краеведческий центр «Тарский уезд»

Издатель:

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Тарская централизованная библиотечная система»,

Редакционная коллегия:

О.Г. Старинская, А.А. Тихонов, Т.И. Царегородцева

Технический редактор:

А.Н. Калинина

Адрес редакции:

Омская область, г. Тара, ул. Александровская, 58.
Тел/факс 838171 2-12-42
E-mail: tara_libraru79@mail.ru Сайт: www.tara-lib.ru

При использовании материалов, опубликованных в альманахе, ссылка обязательна.
Редколлегия оставляет за собой право не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут опубликованы.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Т 22 Таряне: литературно-краеведческий альманах. Вып. 1. – Омск: Амфора, 2015. – 50 с.

ББК 84(2Рос-4Омс-5Тар)6

ISBN 978-5-906706-43-0

© Администрация Тарского муниципального района Омской области, 2015
© Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Тарская централизованная библиотечная система», 2015
© Авторы
© ООО «Амфора», 2015

НЕОДОЛИМАЯ ТВЕРДЫНЯ

Тара – один из старейших городов Сибири. Позади более четырёх веков бурной и непростой истории, впереди – долгий и тернистый путь к торжеству исторической справедливости, к признанию и возвеличиванию подвига нерушимой твердыни русской государственности на восточных границах отечества.

Основанный князем Андреем Елецким в 1594 году, город вскоре стал важнейшим заслоном, щитом на сибирских рубежах российского государства. Именно из Тары выступил отряд, разбивший в августе 1598 года войска Кучума. Событие поистине историческое, коренным образом помявшее ход русской истории.

Тара десятилетиями отбивала набеги из сопредельных земель. У Н.М. Карамзина в «Истории государства Российского» отмечается, что «град Тарский служил неодолимой твердыней от всяких бывших кучумских гнусников». Ни об одном другом сибирском городе знаменитый историк ничего подобного не писал.

Если Тобольск – духовное и политическое сердце Сибири на протяжении четырёх веков, то Тара – военный оплот, сжатый кулак России, о который веками разбивались неприятели. Навсегда вписали в историю свои подвиги жители самоотверженного города.

Наш альманах, первый выпуск которого вы держите в руках, называется «Таряне». Слово яркое, непривычное для уха современного жителя Омской области. Мы привыкли зваться «тарчанами», но как правильно замечают филологи, если уж мы – тарчане, то и город у нас должен быть Тарча. Остроумно и обидно, ведь «ч» в самом сердце слова, пристроенное туда, дабы звучало весомее: харьковчане, тамбовчане, тарчане... А ведь прежде мы были тарянами, это зафиксировано в словарях.

И раз уж мы взялись восстанавливать историческую справедливость и самоуважение жителей Тары, начнём с казалось бы малого, а на самом деле с фундаментального – перестанем называться тарчанами, станем тарянами, потомками тарян, разбивших Кучума, взбунтовавшихся против присяги неназванному наследнику Петра Великого. Мы – и есть Тара.

Альманах «Таряне» – это признание в любви родному городу, демонстрация творческих возможностей поэтов и прозаиков, публицистов и историков, живущих в Тарском Прииртышье или когда-то покинувших Тару, но остающихся верными нашему провинциальному городу.

Сейчас слово «провинция» считается едва ли ни ругательным, а между тем «провинция» – это характеристика исконности, чистоты и незамутнённости сознания, отрешённости от многих пороков.

Приятного прочтения.

Всего вам доброго, дорогие таряне!

Редакционная коллегия

ОЛЬГА СТАРИНСКАЯ

Родилась в 1960 г. в Таре. Работала в Тарской центральной районной библиотеке. Член Союза писателей России. Стихотворения печатались в периодических изданиях и коллективных сборниках Тары, Омска, Москвы. Лауреат районной премии им. В. А. Шевелева «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2013). Награждена лермонтовской медалью (2014). Автор сборников стихов «Зачем в апреле снегопад?» (Тара, 2004), «Душа распахнута для счастья» (Тара, 2009), «Предзимье» (Тара, 2011).

СУДЬБА БОГАТА НА СЮРПРИЗЫ...

* * *

«Мой новый дом» – я вывела в блокноте,
Жизнь начиная с чистого листа.
Я строю дом, а время на излете
(У нас в роду никто не жил до ста).

Черчу, рисую, пачкаю страницы.
Все вперемешку – проза и стихи.
Мой новый дом, к которому найдете
Тропинку от написанной строки.

Мой новый дом, построенный всем
миром.

Без пола он пока, без потолка,
Но будут жить в нем дружно кот и лира,
И будут в нем друзья – наверняка.

Стол накрою с горки и до речки,
Картошку под огурчики сварю.
Мой новый дом, в котором будут
встречи...

Чем отслужу? И чем вас одарю?

* * *

Судьба богата на сюрпризы –
«Ни от тюрьмы, ни от сумы...»
В заложниках её капризов
Бывали разные умы.

Ни перед кем не виновата,
А может, этим и грешна,
Что родилась с душой крылатой
В краю, где царствует весна.

И дни свои разбив на строчки,
Иду по краешку межи,
По пыльным тропкам вдоль обочин
И воспеваю слово – Жизнь.

* * *

Мне в детстве разрешали спать с котом.
Уткнусь, как прежде, в серенькую
шкурку.
Достался мне в наследство отчий дом,
А в доме мамы вечно кто-то муркал.

Опять по телевизору война,
И все сошли с ума, похоже, в мире.
И некогда единая страна
В огне, что разгорается всё шире.

На украинской выжженной земле
За взрывами уже и не расслышать,
Как муркает в разгромленном селе
Последний кот, прижавшийся к малышке.

Раздробленная на куски страна,
Пропитанная кровью наших дедов,
Очнись! Да будет проклята война!
Там не солдаты гибнут, гибнут дети.

Пусть вместо взрывов муркают коты.
И тихо детки спят в своих кроватках.
Ведь в мире нашем больше доброты,
И были мы одной страной когда-то.

Очнись, моя Великая страна...

* * *

Маятник влево, маятник вправо.
Годы мои – золотая оправа,
Память моя – то, с чем мне не расстаться,
С чем не могу, не хочу распрощаться.

Все моё прошлое – вот оно, рядом,
В мамином платье из шкафа, нарядном,
В выцветшей старой отцовской рубашке,
В книжке с закладкой из промокашки.

И в фотографиях, что уцелели, –
Вот мы с подружкой стоим на аллее,
Вот я с собакой по кличке Антошка.
Прошлое – в старой шкатулке, где
брошка

С орденом мамы соседствуют вместе.
Прошлое – наши советские песни.
Песни, живущие в старых пластинках.
Память моя в черно-белых картинках.

* * *

Горят дрова, потрескивая в печке,
Мурлычет в старом кресле мамин кот.
А я о том, что жизнь так быстротечна,
Лишь день порою тянется, как год.

Случается, в бурлящем ритме буден
Останешься с собой наедине.
И память вдруг забытое разбудит,
И замаячит прошлое в окне.

Аукнется, откликнется такое,
Что, кажется, забыто навсегда.
И вот уже и сердцу нет покоя,
И вот уже вдоль тропки лебеда.

Ох, это наше вечное копанье
В том, что давно уже не изменить.
Судьба щедра на встречи и прощанья
И на любовь, что в сердце мне хранить.

* * *

Улетает лето вслед за утками,
Улетает в дальние края.
И туман стоит над речкой утренней –
Прячет чью-то тайну от меня.

Не старайся, я не любопытная,
Мне б свои загадки разгадать.
У калитки кони бьют копытами –
Знать, опять кого-то провожать.
И в свою пора собрать котомочку
То, с чем жить, с чем зиму зимовать,
По хрустящей в луже первой кромочке
Мне за счастьем все ещё шагать.

* * *

Я на зорьке счастье свое кликала,
Я у неба о любви просила.
Отражалась зорька в речке бликами,
Грусть мою с волною уносила.

Молодость – она порой наивная,
Верила: что кликну – то и сбудется.
Наклонюсь к водице вслед за ивою –
Вдруг случится, вдруг еще полюбится?

* * *

Мы разведем костер в тайге у озера
И станем наслаждаться тишиной.
Как много в мире мной еще не познано,
Какую тайну прячет за сосной
Весёлый лучик, юркнувший сквозь
заросли,

Не побоявшись заглянуть в тайгу?
От комаров, штурмующих нас яростно,
С позором я домой не убегу.
Дымком костра уже насквозь пропитана,
Я стану для тайги почти своя.
Кружок волнушек отыскав под пихтами,
Корзинку до краев наполню я.
И в путь, домой, чтоб поделиться

радостью

От встречи с первозданной красотой...

Я этот день всю зиму буду праздновать
И вспоминать у печки с теплотой.

АЛЕКСАНДР ДЕРЮШЕВ

Родился в 1963 г. в Таре. Работает заведующим отделением скорой медицинской помощи Тарской центральной районной больницы. Печатался в коллективных сборниках, альманахах и периодических изданиях различных городов России и зарубежья. Автор книг «Встреча», «Вкус полыни», «По обе стороны от грусти», «Карандашная сила», «Душа на ветру». Лауреат районной премии им. В. А. Шевелева «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2010). Член Союза писателей России.

А СЧАСТЬЕ? ТОЖЕ... ПОЛОСОЙ...

* * *

Меняет время человека.
С годами мы грустней и строже.
Жаль, на лице порой улыбка
Ухмылкой может стать на роже.

* * *

Когда мой срок придет,
Мне будет пофиг.
Спокойно встречу
Дамочку с косой,
Мы выпьем с худощавой
 чашку кофе,
И я умоюсь
 свежею росой.

Пришла, родная?
Надо – значит надо!
Да я всегда
Был лёгок на подъём.
Не очень верю я
В страшилки ада.
Расскажешь по дороге?
Ну? Пойдем?

* * *

То ли дождь с утра, то ли снег,
В общем, падает с неба слякоть,
И забыто давно слово «смех»,
И забота одна – не заплакать.

Жизнь кружится вокруг меня,
Всё пытается с места сдвинуть.
Знаю, надо что-то менять –
Ну хотя бы кислую мину...

Надо встать и идти вперед.
Где-то там живут перемены.
Ну, и если мечта не врет –
Она встретится! Непременно!

* * *

Пришла. Стоит у двери. Ждет ответа
Подружка-осень, милая моя!
Я провожаю в путь остатки лета,
Оно уходит в теплые края...

Устало солнце, и тепло на убыль.
Мне с осенью привычнее грустить.
Пришла? Стоишь? Дождем целуешь
 в губы?
Я дверь открою, торопясь впустить...

* * *

Леди-Дождь держит за руку нежно
И внимательно смотрит в глаза.
Я все тот же, поверь мне – я прежний,
Только вот между нами – гроза...

Между нами ненастье и слякоть,
Я по жизни везде опоздал...
Но не буду грустить или плакать.
Леди-Дождь, я всегда тебя ждал...

* * *

Походка листьями озвучена –
Шуршат, желая говорить.
Из монологов их заученных
Молитву можно сотворить...

Деревья робко раздеваются,
Всё для меня, всё для меня.
Тоскует осень, тихо мается,
Прощая всех и не виня.

Иду по осени уверенно.
Я помирился сам с собой.
Осадки будут? Да, умеренно.
А счастье? Тоже... полосой...

* * *

Хлопнул дверью октябрь
И ушел не спеша.
«Попрощался хотя бы», –
Проворчала душа.

Ухмыльнулся ноябрь,
Принимая дела.
Ничего не менял бы –
Пусть бы осень жила!

* * *

И в эту осень плотно дверь закрыл я...
И птицы без меня подались к югу...
Как много я б теперь отдал за крылья,
Чтоб просто в дураках оставить вьюгу!

* * *

Вот уже на излете ноябрь,
Отступает сраженная осень.
Она помощь не просит, но я бы...
Поддержал её. Спас бы. Не бросил...

* * *

Я здесь давно. Судьбой пообтесался.
Она меня ласкала не всегда.
За то, что не ушел я, а остался,
Считала мне то ребра, то года...

Я складывал в копилку, как попало,
Весь хоровод удач и неудач.
Чего там было много или мало,
Считать не стал – пока не до задач.

И вот теперь, с пригорка юбилея
Я оглянусь, опять вникая в суть.
«Мне пятьдесят...» – скажу и офигею,
Чуть-чуть, конечно, – надо снова в путь!

* * *

У отца учиться не пришлось,
Потому всему учусь у Бога.
Только почему-то вкривь и вкось
Все дела опять. Выходят боком...
Не блестит пока еще душа,
Но судьба работает наждачкой,
Всё старается, и чистит не спеша –
На меня уйдет не меньше пачки!

* * *

Не ходите за мной – не зову.
Ухожу я в себя ненадолго.
Мне прибраться там надо, и только,
Чтоб добавить другую главу.

Разложу по архивам – что было,
Все мечты и желанья протру,
Чтоб светло стало там поутру,
Не жалея ни щетки, ни мыла...

Я готов! Что там жизнь припасла?
Со мной Бог, и кто против – не важно!
А судьба – как кораблик бумажный,
И на нем надо плыть без весла...

* * *

Утром на стекле мороз напишет
Новостей обзор, прогноз погоды.
Дальше, на снегу гаражной крыши,
Строчка из следов – прочту по коду...

Тишина... хоть режь её пластинами.
Утро замерло и в день не превратилось.
Хорошо, что есть еще местами
В этом мире Чудо... или милость?

* * *

Мне опять досталась осень –
Улетевших птиц подарок.
Их теперь уже не спросим,
Есть цена или задаром...

Может, дело было в весе –
Ведь она же золотая...
Заберу, конечно, если...
Дырки в тучах залатаю.

* * *

Где-то там, далеко под снегом,
Откруживший своё листопад.
Листья спят, утомившись бегом,
Ветер снится им всем подряд...

Им покой заменяет шорох,
Больше не о чем говорить...
Ну, а истину можно в ссорах
Не найти, а похоронить...

По ночам повадился снег.
Все идет и идет – упорный...
По утрам тропинок-то нет,
Каждый путь будет первый, торный!

Нынче выбор большой дорог –
Все так просто начать сначала.
Но клянут все судьбу да рок...
И опять стоят у причала...

* * *

Мы на лавке сидели вместе,
Я и Осень... на этом месте.
Вроде можно закончить повесть,
Но вмешалась, как дура, – совесть!

Говорит, что сидим мы долго,
Все бессмысленно и без толка,
Что зима уже на подходе
И готовиться надо вроде...

* * *

С неба падала тишина...
Пусть другие зовут её снегом.
И коснулась души вина
Перед чистым и честным небом.

И дарило оно тишину,
И мечту исполняло робко...
Я стоял в снегу, как в плену,
Не решаясь шагнуть на тропку.

* * *

*Моему деду Кислову Н. Ф.,
погибшему в 1943 году*

Мы разминулись в двадцать лет.
Ты с пулей лег, а я родился.
Ты, видно, оплатил билет
Мой. В эту жизнь. И я прижился.

А дочь сидела на плечах...
Дом обороны помнит ярко,
Как будто снова шесть сейчас.
Её ты помнишь – свою Варьку?

Мы разминулись в двадцать лет.
Ты дедом стал, уйдя в санбате.
Всегда мы вместе. Слышишь, Дед?
И дело здесь совсем не в дате...

13.02.2015

Меня снова лечит дорога
От забот, проблем, суеты...
Пусть судьба моя – недотрога,
Только я с ней давно «на ты».

Она нежит меня, лелеет.
Ну, а коли бьёт, так любя!
Пусть от боли душа немеет,
Не привык я жалеть себя!

Прикуплю билетик в плацкартный...
Боковушка – мечты предел!
А судьба вновь разбросит карты
И наметит свой передел...

ТАТЬЯНА КОМЫЛИНА

Родилась в 1963 г. в Таре. Работает руководителем литературно-драматургической части Омского государственного Северного драматического театра им. М. А. Ульянова. Победитель и лауреат ряда городских и областных конкурсов, в том числе VI и VII региональных поэтических конкурсов «Омские мотивы» (Омск, 2013, 2014). Произведения печатались в периодических изданиях, сборниках и антологиях Тары, Омска, Ужгорода.

ПРАВИЛА СУДЬБЫ Я ПРИНИМАЮ

* * *

Я котомку соберу в дорогу.
Положу иконку, пару платьев,
Боли и удачи понемногу.
За приют и кров судьба заплатит.

Мне в пути уверенность поможет.
Я смогу. Я сильная. Я знаю.
Годы своей жизни подытожив,
Правила судьбы я принимаю.

* * *

Сирень притихла у ворот.
Мы были с детства с ней знакомы.
Она опять меня зовет
В тепло родительского дома.
Скрип половицы в тишине
И зеркало в старинной раме
Вернуться в дом помогут мне
И мысленно прижаться к маме.
В себя уверенность вселить:
Я здесь нужна, здесь все родное.
И жить, как прежде, просто жить,
Оставив в памяти бывшее.

* * *

Сочиняю либретто –
Мало места в тетради.
Нашей встречи сюжеты
Мне дороже всей клади.

Что годами копила,
Собирая всё в строчки;
Что с друзьями делила,
Что – безжалостно в ключья.

И уверенность в новом,
Что ни с чем не сравнимо,
Пролегла, как основа,
Тонкой нитью незримой.

ПАМЯТНИК ЛЮБОЧКЕ В ОМСКЕ

Французский шарм, столичные манеры,
Шикарный бант, усталые глаза...
Все лаконично, без излишеств, в меру,
А на щеке, после дождя, – слеза.

– Вы не озябли, Люба, нынче осень?
И зонт у вас так кстати, будет дождь...
Но смотрит вдаль, над нею неба просинь.
– Я помолчу... ведь ты еще придешь...

Мне по губам понятны эти строчки,
И почему-то в этих строчках грусть.
Не надо там ни запятых, ни точек,
Она услышать хочет: «Да, вернусь».

Еще цветы не сбросили наряды
И осень не согласна отступить.
И тут соприкоснулись наши взгляды:
– Мы встретимся, лишь нужно подождать!

Сменяет лето осень, снег кружится,
Весны цветенье, летняя гроза.
Идут года... Все так же вьюга злится...
А на щеке, после дождя, – слеза.

* * *

«...Мы с тобой напишем пьесу вместе...»
 Трагифарс.
 Нет, лучше мелодраму.
 А на самом интересном месте,
 Как по телевизору...
 реклама.

БАНКА СГУЩЕНКИ

Пачку чая, конфеты и банку сгущенки
 Я достала из сумки – и сразу на стол.
 – В сорок третьем у нас поселились
 девчонки, –
 Мама вдруг ни с чего завела разговор.

– Знаешь, дочка, осталось мне, может,
 немного.
 Сердце давит порой, столько лет уж молчу...
 Те девчонки приехали к нам на подмогу...
 Повиниться хочу, рассказать все хочу.

Выпускали в войну на заводе запчасти:
 К минометам, орудиям разный запас.
 Не хватало народу, и даже отчасти
 Ребятно созывали. Ну, стало быть, нас.

И из сел приезжали... Вот, как-то однажды
 На постой к нам девчонок троих привели.
 Приютить их в ту пору старался не каждый,
 А для нас как родные вдруг стали они.

Вечерами носки, рукавицы вязали,
 Чтоб солдатам отправить посылку свою.
 На войну торопились, повестки все ждали
 И мечтали скорей оказаться в бою.

Помню я, у меня загорелись глазенки,
 Когда им от завода собрали паек:
 Пачку чая, конфеты, по банке сгущенки...
 И повестки вручили... Пришел, видно, срок.

А когда темною окуталось небо,
 Я старалась, но не удавалось уснуть.
 Я смотрела на банки и думала: «Мне бы
 Хоть чуть-чуть, хоть глоточек, хоть просто
 лизнуть!»

И я дырочку в банке по самому краю
 Аккуратно ножом... так что и не поймешь...
 Только память проклятая грех не стирает,
 И девчонок назад тех уже не вернешь.

Воевать им на фронте случилось недолго.
 Я винила себя (сколько было-то лет!).
 Я все думала: «Если б поели сгущенки,
 То живые бы были, а так вот – их нет».

Понимаю, что смерти причина не в этом,
 Никого не щадил тот обугленный дождь.
 Но с годами я так же не сплю до рассвета,
 И хочу всё вернуть, но уже не вернешь.

По щеке вдруг немая слезинка скатилась.
 Видно, пролились все, но осталась одна...
 Легче стало – она пред собой повинилась.
 В чём? Да, в общем-то, не в чем... Война
 есть война.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

–Здравствуй, сын, я пишу долгожданную
 весточку с фронта.
 Бьем фашистов, воюем за каждую горстку
 земли.
 Знаешь, сын, ты не верь, даже если придет
 похоронка.
 Я живой, я вернусь, ты надейся, а главное –
 жди.
 На мгновение в мыслях солдат в дом
 родной возвратился,
 Где все ждут не дождутся прихода героя-
 бойца,
 И до самой земли он супруге своей
 поклонился,
 И увидел, как сын вытирает горячие слезы
 с лица.
 Только долго письмо то скиталось
 по белому свету:
 Он был ранен в бою и доставлен в санбат
 полевой.

А родные в далеком краю ждали
восточку эту,
Свято верили: он непременно вернется
домой.

– Здравствуй, папка, родной!
Почему от тебя нет ответа?
Почтальонка все время обходит наш дом
стороной.

Мамка плачет, сидит у окошка почти
до рассвета,
А сама говорит всем, что пишешь и что ты
живой.

Знаешь, папка, я верю, что стихнут орудий
раскаты,

Ты пройдешь сквозь суровые годы
проклятой войны,

А война будет в фильмах и только
в рассказах солдатов;

И не будут нам сниться тревожные
страшные сны.

– Здравствуй, сын! Я пишу долгожданную
восточку с фронта...

Ты не верь, даже если придет похоронка...
– Здравствуй, папка, родной!

Почему от тебя нет ответа...
Мамка плачет, сидит у окошка почти
до рассвета...

Он прошел всю войну, он был ранен и снова
сражался,

Он всегда выживал, хоть частенько стоял
на краю.

А в кармане лежало письмо, что послать
не решался,

То письмо, что окрашено кровью
солдатской в бою.

– Ну, здравствуй, сын!

– Папка! Родной!..

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ ЖИВОЙ

В каждый дом постучалась война
Черным вороном – птицей злосчастной.

Провожала солдата жена
И украдкой иконку на счастье
Положила в дорожный рюкзак,
Что с любовью всю ночь собирала.
– Не посмеет тебя тронуть враг, –
На прощанье тихонько сказала.

В церковь он не ходил никогда,
Не тянуло его той дорогой,
Но когда подступила беда,
То поверил и в черта, и в Бога.
Он иконку под сердцем хранил,
Злые пули она отводила,
И всем сердцем суровым любил
Ту, что в дальний поход проводила.

Эта страшная, злая война
Милым сердце вуалью покрыла.
Похоронок седая волна
В каждый дом заглянуть не забыла.
Не унять этой боли от ран,
Это память, и память святая...
Постоит, помолчит ветеран,
Ото всех свои слезы скрывая...

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1977 г. в Таре. Работает преподавателем в Тарском индустриально-педагогическом колледже. Стихи публиковались в коллективных сборниках и периодических изданиях Тары, Омска. Лауреат выездного регионального семинара молодых литераторов Омской области (Тара, 2010), районного конкурса самодеятельных поэтов (Тара, 2014). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

РАЗДУМЬЯ

1

Если бы из тела
взять и вынуть душу,
Та бы полетела
песни ветра слушать.
Так и я – покуда
другом будет ветер,
До тех пор и буду
жить на белом свете.

2

Не раздавите муравья
в траве ногой босой.
Быть может, это буду я,
когда карга с косой,
Внезапно вспомнив про меня,
решит зайти на чай.
Не раздавите муравья
однажды невзначай.

НАДЕЖДА КОТОВА

Родилась в 1963 г. в с. Журавлевка Тевризского района Омской области. В настоящее время живёт в с. Черняево Тарского района. Член литературного клуба «Вечера на Александровской». Публикуется впервые.

* * *

Пахнет месяц июль разнотравьем
душистым.
На лугах сенокос. Облака в небе чистом.
Если вдруг набежит одинокая туча,

Дождь грибной зашуршит –
Дождь прохладный и жгучий.

Яркой радуги цвет отразится в реке,
Сыто гром заурчит за леском, вдалеке.
Я, как в детстве, бегу босиком по росе,
Улыбаясь нежданной пьянящей красе.

* * *

Курлыча и привычно созывая
Сородичей своих крикливых, стая
Растает в облаках с последней песней,
Протяжным эхом канув в поднебесье.

Не спит, тоскуя, раненая птица,
И всей душою ввысь она стремится.
Её ветрам осенним не баюкать.
Но дайте срок – вернуться птицы с юга.

ГЕННАДИЙ РОМАШОВ

Родился в 1950 г. в с. Соусканово Тарского района. Работал водителем. Автор стихов к ряду песен, исполняемых жителями с. Соусканово. Публикуется впервые.

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Во сибирской во сторонке,
Где течёт Иртыш-река,
Под гармонь, с частушкой звонкой
Провожали паренька.

Уезжал в края чужие
За Россию воевать
«До свидания, родные,
Не горной, старушка-мать!»

Где-то там, в краю далёком
К людям в дом пришла беда –
Объявился враг жестокий,
Рушит села, города.

Мы пойдем ему навстречу,
Остановим, победим!
Убивать людей, калечить
Супостату не дадим!

Поклонился в пояс людям
И ушёл, взмахнув рукой,
Защитить свою грудь
Мир, свободу и покой.

Уж давно умолкли пушки,
Ведь пришёл конец войне...
Ждёт сыночка мать-старушка
На родимой стороне.

Шепчет старая: «Сыночек,
Что ты весточку не шлешь?
По тебе тоскую очень,
Сообщи мне, как живёшь?»

Но узнала мать-старушка:
Сын сражался как герой!
Метко бил врагов из пушки
И лежит в земле сырой.

Обелиск ему поставлен,
День и ночь огонь горит.
И отважного героя
Целый мир благодарит.

На земле, где жили деда,
Где течёт Иртыш-река,
Всем народом в день Победы
Поминают паренька.

Я НЕ МОГУ ИНАЧЕ

На Оше ивы над водой висят
И отчего-то потихоньку плачут.
А мне сегодня ровно шестьдесят,
А впереди проблемы да задачи.

Промчались годы, будто бы во сне.
Давно ли бегал босиком по лужам,
И мама что-то вслед кричала мне,
Но вот уже я стал отцом и мужем.

Я табачок курил и водку пил,
И верен был всегда мужскому братству.
А денег, так уж вышло, не скопил,
И лишь мои года — моё богатство.

Нет, я не буду о годах тужить,
Даёшь веселье! Пусть звенят бокалы.
Никто не знает, сколько будет жить,
Быть может, много, а быть может, мало.

Прожить свой век — не поле перейти,
Здесь на пути встречаются ухабы,
И крест по жизни нелегко нести,
Но мы несём, мы вместе — дед и баба.

На Оше ивы над водой висят
И отчего-то безутешно плачут.
Пусть мне сегодня ровно шестьдесят,
Но я пою, я не могу иначе.

Юлия Михалёва

Родилась в 1991 г. в Таре. Окончила Томский государственный университет. Публиковалась в периодических изданиях и коллективных сборниках Тары и Томска. Автор книги «До шестнадцати» (Тара, 2008). Живёт в Омске.

* * *

Ночь ушла, собрав свои вещицы.
Утро светлой простыней легло...
Птаха одинокая стучится
В наше запотевшее стекло.

Белая фиалка на окошке
В гордом одиночестве цветет.
И в тоске зелёной серой кошке
Не до скуки — всё хозяев ждёт.

Ягодник бредет один по чаще,
Брежит одинокая звезда...
Будьте рядом с близкими почаще,
А с собой успеете всегда.

ИЛМИР КОЛДАШЕВ

Родился в 1973 г. в городе Андижан (Узбекистан). Руководитель физического воспитания Тарского медицинского колледжа. Стихи публиковались в периодических изданиях г. Тары, в коллективных сборниках «Ловцы слов» (Тара, 2002), «Студенческая весна» (Тара, 2008), «Вечера на Александровской» (Тара, 2011). Участник выездного семинара молодых литераторов при Союзе писателей России (Тара, 2010).

* * *

Ночь обернулась ясным утром,
Уснули звёзды в трубах крыш.
Походкой величавой мудрость
Пришла в предутреннюю тишь.

И обнажив свою нелепость,
Свои обиды, зло и боль,
Я между нами строю крепость,
Сам в свою рану сыплю соль.

На небе появились тучи.
Глядят угрюмо, тяжело.
Тебя я, милая, измучил,
Со мной тебе не повезло.

И вот, пока заря алеет,
Твержу себе: «Пора решать...
Пусть на душе всё тяжелее,
Но это значит – есть душа!

СВЕТЛАНА ШУМИЛО (АВЛАСОВИЧ)

Родилась в 1981 г. в Таре. Работает преподавателем в Черниговском национальном педагогическом университете им. Т.Г. Шевченко. Публиковалась в коллективных поэтических сборниках и периодических изданиях.

ОНИ НЕ ПРИДУТ

Холодно стало на свете.
Гуляет бездомный ветер,
Даже когда тишина,
Терзает деревья грозно,
И падают листья, как слезы,
Хотя на дворе весна.

Холодно стало на свете.
И за окошком дети
Снова играют в войну.
– Ты видела, как я дрался?
Мама, я очень старался
Свою защитить страну.

Мама, а если когда-то
Дойдут и до нас солдаты,
То что же, они убьют...
Нашего... попугайчика?..
– Миленький ты мой мальчик,
Спи. Они не придут.

Холодно за порогом.
Той жизни совсем немного,
И вся – в ненужной борьбе.
Ты ведь, если случится,
Не станешь на маму сердиться,
Что я солгала тебе?..

АННА ХРАМОВА

Родилась в 1994 г. в с. Черлакском Ново-варшавского района. Студентка Тарского филиала Омского государственного педагогического университета. Участница выездного семинара поэзии и критики «ПарОм» (Тара, 2013). Публиковалась в сборнике «ПарОм» (Омск, 2013), студенческой газете «Универ+» (Тара, 2013), студенческой газете «Молодость» (Омск, 2015), участница второго международного литературного конкурса «Верлибр» (Ульяновск, 2015), участница межрегионального литературного конкурса на соискание премии им. И. Д. Рождественского (Красноярск, 2015).

НАТАШКА

Рыжие косички, на лице веснушки,
Розовые щёчки, маленькие ушки,

Платице в горошек – по зеркальным лужам
Бегают девчонка, ей никто не нужен!

Жарким летним утром хочется прохлады,
Ветер всё окутал цветочным ароматом.

Брызги разлетаются, хоровод кружат,
Как стрекозы белые, на окне горят.

Васильки, ромашки – давние подружки
Обсуждают дождик, сидя у избушки.

Обжигает ноги жгучая роса.
Бегают Наташка, ленты в небеса!

Опьяняет воздух, близится рассвет.
Раствориться в небе, да вот крыльев нет.

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

Родилась в 1960 г. в Таре. Работает медсестрой наркологического кабинета Тарской районной больницы. Член Союза писателей России. Руководитель Тарского отделения Союза писателей России. Автор книг «Весеннее тепло» (Тара, 1997), «Изморозь» (Тара, 2002), раскраски для детей «Привет, одуванчик!» (Тара, 2006), «Мамина песня» (Тара, 2010), «Наполню себя тишиной» (Омск, 2010). Печаталась в коллективных сборниках, журналах, антологиях и периодической печати Тары, Омска, Москвы. Лауреат ряда региональных и всероссийских литературных конкурсов, премии им. Владимира Шевелева за общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района (2009), премии им. Ф. Ушакова (2012).

ЛЕТО

Смородины черные бусины,
Теплые губы малины.
И тучки лошадками бусыми
Вдаль за собой манили.
Ромашки с ресницами белыми
Вслед повернули головки:
«Вы легкие тучки и смелые.
Мы будем вас ждать у бровки».

* * *

Золотым июльским утром
У дорожки в детский сад –
Вдруг арбуз! Он вырос будто
В сорняках. И очень рад.
Как зеленые улыбки,
Все полоски на боках.
И не может быть ошибки:
Да, арбуз! И в сорняках!
В нашем городке сибирском
Для чудес преграды нет.
А что мячик закатился
И арбузом притворился,
Это будет наш секрет!

ОДУВАНЧИКИ

Рюшечки, карманчики,
Сарафан на ляпочках.
Злато-одуванчики
Соберу для мамочки.

На лужайке перед домом
Видимо-невидимо.
А в кармане закорючки,
Где цветы? Не видели?

* * *

Возле дома по дорожке
Мы туда-сюда гуляем.
Изумленно смотрят кошки,
Ничего не понимая.
Что за странное гулянье?
Ни мышей, ни «китекета» –
Видно и на расстоянье –
На дорожке этой нету.
В доме водится сметана,
В плошку суп с утра налит...
Это девочка Ульяна
Ходит, ищет аппетит! –

ИГРА ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Как это бывает,
Кто у нас летает?
Ястреб быстрокрылый.
Пес Барбос унылый.
Бабка Ежка в ступе
И картошка в супе.
Вертолет зеленый.
Серая ворона.
Воробей-проньера,
Бутерброды с сыром.
Истребитель с пушкой,
Мягкая подушка,
Пчелочка-жужжалка.
Синяя скакалка.
Жук, комар, синичка.
Конь, корова, спички.
Все верно показали.
Правильно играли!

ДОЖДИК

Полосатые котята
От дождя скорее в дом –
Лапы и хвосты упрятать,
Чтобы не сушить потом.
Все дождевики соберутся
В маленькие лужицы,
Тополиные пушинки
Обрамят их кружевцем.
Словно стеклышки из детства
Девочек и мальчиков,
Станут в лужицы глядеться
Солнечные зайчики.

ТУМАН

Туман наколол свою мягкую лапу
Об острые иглы высокой сосны.
Обиделся: больно! и горько заплакал,
Слезинки скатились зверятам во сны.
Приснился бельчонку орешек хрустальный,
Скользнул мимо лапок и вдребезги – дзынь!
Лисенку приснились хитринки и тайны,
Которые спрятались утром в полынь.
Зайчонок во сне потерял свою маму,
На поиски долгие храбро пошел!
Но солнце взошло, и тумана не стало.
Зверята проснулись, а все хорошо!

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Дед на завалинке проводит целый день.
На солнце тихо щурится и курит,
С соседками беззлобно балагурит...
Фуражка выцвела и сбита набекрень.

Хоть рассказал бы что-то про войну,
Про танки, пулеметы, автоматы.
Ведь я уже большой, я все пойму –
Мне нравятся геройские солдаты.

Но дед, посмеиваясь, все не говорит
О том, о чем услышать мне хотелось.
Но чью тогда подчеркивая смелость,
Пиджак с медалями в шкафу у нас висит?

А в день весенний нарядился в китель дед,
И оказалось, самый он геройский!
Полковник честь ему отдал по-свойски,
Чужая девочка преподнесла букет.

И рассказал при всех он про войну,
Про танки, пулеметы, автоматы.
Ведь я уже большой, я все пойму,
А срок придет, и стану я солдатом!

С буквой эР живем не дружно.
Как найти мне к ней подход?
Не встает туда, где нужно,
В слове Рыба, паРоход.
Пароход – большая лодка,
Можно слово заменить.
И на рыбу всю «селедка»,
В общем, можно говорить.
Только как сказать подружке:
ГоРка, пРиходи, пРивет,
КаРандаш, Резинка, стРужки...
Ведь для них замены нет.
КаРРР – орет ворона с крыши.
На ворону не сержусь:
«Обязательно, ты слышишь,
С буквой эР я подружусь!»

ВОРЧАЛКА

Принесли и положили,
Расступились, разошлись,
Будто плохо раньше жили,
Чем не нравилась та жизнь?
Кувыркались и шумели,
У реки могли гулять.
Вместе с мамой песни пели,
Если нужно было спать.
Положили, зашуршали,
Зашептали мне: «Иди,
Ты теперь у нас большая,
На сестренку погляди!»
Я сестре, конечно, рада.
Ведь мечтала с ней играть.
Но на этот сверток надо
Лишь смотреть и не дышать.

Я ей Барби – платье в стразах,
Пазлы, краски, пластилин.
Что, родить постарше сразу –
Догадаться не могли?

* * *

Лето катится мячом,
Ярким и пружинистым.
Земляника кумачом
На лугах Заливинских.
На мужских руках загар
В пору сенокосную.
Редкий ливень, словно дар,
И крапива космами
У тропинки, что к реке
Побежала весело.
А за речкой вдалеке
Радугу повесили.
Лето – мяч. Туда-сюда.
Легонькие платъица.
Только жаль, что как всегда,
К осени укатится!

СЕНТЯБРЬ

Березки решили делиться
С подружками парковой зоны.
Яркие желтые листья
Рассыпали по газонам.
На острых иголочках елей
Гирлянды флажков развесили,
И мудрая темная зелень
Стала смотреться весело.

ОСЕНЬ

Осень в лужи смотрится,
Кричат прощально стаи.
В Тарских светлых рощицах
Рябинки догорают.
Пестрой тропкой влажною
Я выбегу на поле.
Крики птиц протяжные
Навсегда запомню.

КОНСТАНТИН ТИГОВ

Родился в 1950 г. в с. Павлополь Новоазовского района Донецкой области. Работал учителем, журналистом, заведующим отделом культуры. Стихи и проза публиковались в периодических изданиях Омска, Ноябрьска, Новосибирска и других городов. Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

КТО РЕЖИССЕР?

Из затянувшейся на полгода вахты Евгений Васильевич наконец-то вырвался домой, в таежный северный район.

– Спасибо президенту за новогодние каникулы. Понимает правительство, что на нашу действительность трезвым взглядом лучше не смотреть!

Любил он эти места на правом берегу Иртыша. Хоть сам из южных краев, с родины Чехова. Сюда же забросила его судьба после окончания института, тут прошла большая часть сознательной жизни. И вот за десяток лет до пенсии, чтобы дать образование детям, пришлось забираться еще дальше на Север – в Приполярье. В сельскохозяйственном своем районе ничем, в том числе и журналистикой, не заработаешь. Только торговать и оставалось. А к этому нужен особенный талант. Да еще вот лес пилят...

Последние кедрачи меняют на бумажные знаки. А их, в свою очередь, как ни странно, делают из той же древесины, целлюлозы.

«Нет уж, увольте, я кедры не сажил, не мне их выпиливать», – так думал он, сидя в уютном автобусе северного исполнения, который, «попыливая» из-под колес чистым снежком, приближался к Иртышу. Дело в том, что домой Васильевич только вещи забросил, а сам рванул к дружку, в город, располагающийся на противоположном берегу сибирской реки.

Хороший знакомый Евгения, Серега, тоже в газете работает. Талантливый

фотограф, способный журналист. К нему и ехал Васильевич, разузнать чего-нибудь новенького про открытое недавно месторождение нефти. Оно входит в силу и объединяет теперь не только географически, но и общими проблемами и заботами Омскую и Тюменскую области, где с недавних пор работает он в муниципальном объединении с громким названием «Издательский дом «Север».

Автобус «пылит» снежной поземкой. По обеим сторонам дороги в белоснежном покрывале по пояс утопают основания стройных корабельных сосен, могучих вековых елей. Тайга перемежается березовыми перелесками, заболоченными пространствами с черными, покореженными останками деревьев-инвалидов... Но на большем протяжении дороги еще стоит стена звонких стройных красавиц. Пушистыми шаями лежит снег на раскидистых ветках. Ослепительное солнце буйствует в просветах меж ними. Переливы, искры на снегу – нестерпимое для глаз, радужное и радостное сияние!

«Декорация, – с легкой печалью и грустью думает Евгений, – двести, от силы триста метров от дороги лес, а дальше – вырубки, развороченные поляны... А что там на Крапивинском делается! Бывал, знает. Особенно неприглядная картина весной. Ручьи бегут, вода в нефтяных разводах, все покорежено мощной техникой... Карьеры как рваные раны. Отвалы, отсыпки... Там трубу прорвало, здесь бульдозер в болото зарылся... Нет, потом, конечно, глянец наведут. Все будет в ажуре. Засверкают огромные резервуары от трех и до двадцати тысяч кубов, встанут в рядок емкости поменьше – все вылижут, все засияет космическим стальным блеском. Видел с высоты птичьего полета. Картинка красивая, парадная. Все там охраняется, все подступы оберегаются чуть ли не пулеметными вышками по периметру.

Если где и набежит вонючее озерцо, его тут же присыплют песочком. Не беда, что половина гадости снова уйдет под землю, а

другая часть – в реки. Никто не узнает – все тихо, мирно, корпоративно. Хоть бы местные бюджеты чего от этого имели, а то мизер перепадает. Все забирает центр, а потом оттуда возвращает по крохам, да и то по своему усмотрению, да еще если хорошенько попросят. Нефтедоллары капают, стабфонд растет. Правительство рассуждает про инфляцию и прирост ВВП. Народ едет за тысячи верст, детям на учебу зарабатывать, себе на существование. А жизнь короткая».

В автобусе тепло, уютно. Тут всего сорок пять километров до берега, да там еще от берега до города около пятнадцати. В автобусе в основном студенты, еще одна парочка, лет под тридцать, из гостей едет, и народ постарше, человек шесть – семь, кто на рынок, кто по магазинам, кто своих в городе проведать, кто подарки закупить перед праздничком. Последнюю неделю до Нового года разменяли.

На берегу Иртыша остановились. Было около одиннадцати часов дня. Все высыпали из автобуса. Несмотря на яркое солнце и теплую одежду, быстро пробирало. Морозец поджимал градусов под тридцать. Впереди – широкая белая лента Иртыша. Поперек русла идет пешеходная тропинка по снегу с вешками из воткнутых в снежный валик елочек по бокам. Слева и справа от тропки прямо по льду, присыпанному толстым слоем снега, накатанные легковушками дороги. Одна из них огибает огромную полынью. Полынья посредине узкой полосой бурлит течением и курится паром. С нашего высокого берега видно все до мельчайших подробностей. На краю полыньи обломанный лед и оборванный след колес. Странно...

Как раз по этой дороге из города едет «Нива» белого цвета, вот она обогнула полынью, вот она уже забирается к нам на берег. Через переднее стекло угадывается, что в салоне кроме водителя трое пассажиров.

– И как только не боится, – вырвалось у меня, – хоть бы пассажиров высадил, если самому жить надоело.

– Днем еще что. Вчера ночью, говорят, «скорая» нырнула под воду, – довольно будничным голосом на мою реплику отозвалась женщина из толпы.

– Как «скорая»? Как нырнула?!

– Да я толком не знаю, расспросите кого из местных. Вот хотя бы его, – она кивнула в сторону мужичка, который подметал дорожку перед кафе-вагончиком.

Здесь же, на берегу, стоял вагончик, в котором местный предприниматель предлагал проезжему люду чай, кофе, выпечку, прохладительные и горячительные напитки. Автобус оставался ждать пассажиров до трех пополудни. Когда мы подъехали, хозяин торговой точки подметал дорожки почему-то жидким баннным веничком, нас встретил словами:

– Не спешите, автобус на той стороне будет только через полчаса. Грейтесь пока здесь. Там, – он махнул обметышем в сторону противоположного берега, – приткнуться негде.

В вагончике можно было заказать пельмени, бутерброды и другую нехитрую еду. Два столика, четыре табуретки и кресло возле телевизора. Из-за тесноты больше сюда ничего из мебели и не влезло бы. Три, четыре человека зашли – уже тесно. Но очередь здесь бывает только в момент прибытия автобуса. Остальное время предприниматель смотрит телевизор или бывает в разъездах, пополняет запасы товаров. Поэтому любит поговорить, охотно идет на контакт.

– Это правда, что «скорая» ночью в прорубу провалилась? И жертвы есть? Там же глубоко, наверное.

– Конечно, глубоко. Водолазов вызывали трос завести под «таблетку», технику пригнали специальную.

– А что, и люди были в машине? Хоть без жертв-то обошлось?

– Какое там без жертв! Роженицу везли, схватки у нее начались. Уже ночью. Сюда-то «скорая» в сумерках да порожняком из Тары проскочила, вот шофер думал и обратно так

же – по своему следу. А пока то да се, помощь оказывали, собирали будущую мамашу в роддом, стемнело. Да еще перед ними груженный лесом «Камаз» прошел. Он-то, видать, и навредил. Там, на стремнине, всегда тонко. Сам-то он, груженный лесом, проскочил, а лед за ним потрескался. А эти на «таблетке» – следом... Рядом с шофером врач сидел. Так мужики, шофер и медик-то, успели, выскочить. А роженица, наверное, и не сообразила, что к чему. Кругом же темень. Да ей, может, и не до этого было... Только утром и начали спасательные работы. А кого спасти? «УАЗик» вытащили, видел, а больше ничего не знаю. Никому ничего не говорят.

– А роженица-то чья, откуда ?

– Наша, из ближнего села. Есть ли кого хоронить, нет ли, не знаю.

Все, кто приехал с Евгением в автобусе, двинулись цепочкой по тропинке меж еловых вешек, установленных по снежному гребню вдоль ледяной дороги на тот берег. А он пошел по накатанной машинами дороге туда, где у края полыньи обрывался след колес.

Края обломаны, обляпаны илом, лед довольно толстый, грязный, следы тянутся от широкой в этом месте полыньи к берегу. Почти всю ее уже затянуло льдом, припорошенным снежной крупкой. У берега нагребли гору снега, чтобы водители сюда не совалились. Но машины накатали дорогу в обход снежного гребня, и совсем не так далеко, чтобы говорить о полной безопасности. Беспечен человек.

И ведь мост же новый рядом построили. Рукой подать. Такие деньги вбухали, а движение – по старинке – через реку по льду. Что за народ! Экономят, что ли, на бензине?

В самом центре полыньи тонким лезвием зияла не затянутая льдом полоска, там бурлила мутная, грязная вода. Нет, туда не хотелось. «Впрочем, – думал Евгений, – велика ли разница между мною, прожившим уже более пятидесяти лет на этом белом

свете, имеющим свое продолжение в виде детей и внуков, и той, так и не начавшейся жизнью в утробе матери? Всему цена – один миг».

Все сущее рождается без причины, влачит свои дни по слабости своей и невозможности уйти достойным образом и умирает по нелепой случайности. Человек умирает некрасиво – у него нет опыта умирания.

Может быть, такие, а может быть, подобные мысли клубились в сознании, пока перешел Иртыш.

На том берегу народ топтался у прибрежного тальника, утыканного разными пустыми бутылками из-под соков и пива.

Нарядили куст как будто елку к празднику. По следам на снегу было видно, что именно к этому месту подворачивает автобус, прибывающий из города. А вот и он уже показался из-за поворота.

Редакция газеты находилась в бывшем купеческом старинном двухэтажном особняке в самом центре города, с видами на центральную площадь, на которой располагались современные здания администрации, главпочтамт и Дом культуры.

В недрах купеческого особняка вольготно расположились также десятка полтора коммерческих заведений. Они занимали весь нижний этаж и полуподвальные помещения. Выходы и входы, как хорьковые норки, были повсюду, с разных сторон, иные даже в местах неожиданных. Раньше весь нижний этаж занимала типография. А теперь пленки возили в областной центр, там получалось более высококачественное исполнение номера, да и типографию содержать нерентабельно: коммерческих заказов в городе мало.

В редакцию на второй этаж вела широкая деревянная лестница. Дверь в просторный кабинет главного была раскрыта. Куртка, шапка и кофр с фотопринадлежностями лежали брошенными на стульях, ряд которых стоял вдоль стены. Широкий длинный стол завален подшивками, газетами и

официальными бумагами, звонил телефон. Остаться в кабинете без хозяина было неловко, и Евгений вышел. Напротив, в полуоткрытую дверь – раньше здесь располагался сельхозотдел – виднелся праздничный стол: открытые бутылки с шампанским, водкой, закуски... Сотрудники заходили, наливали, выпивали и снова убегали по своим делам.

«Странно, вроде и день не газетный, чтобы спешить. А с другой стороны, и до праздника еще четыре дня и выпивать вроде рановато...»

На вопрос, где главный, махнули в сторону технического отдела. А тут и он сам показался. Привет – привет. Обнялись, поздоровались, прошли в кабинет. Вид у Сереги был отрешенный, озабоченный. Видно было, хоть и рад встрече, но не до приемов, одним словом. Ни к праздничному столу не пригласил, ни искреннего интереса по поводу приезда не выказал. Ну, мало ли что у человека. Васильевич решил себя не навязывать, выдумал какую-то причину, вроде обменяться тематическими страницами про нефтянку и откланялся. Даже лишней газетки у Сереги не нашлось для друга, и полной подшивки тоже у редактора не оказалось.

– Вот разве в рекламном отделе, загляни. А так, специально, не собираем, все подчистую продаем. Я запретил лишние экземпляры печатать, даже в киоске не найдешь.

Обескураженный таким приемом, Евгений поспешно оделся и выскочил на площадь. Прошел к школе искусств, полюбился на новое здание драмтеатра, зачем-то заскочил к картинную галерею, даже взял билет, убедился, что знакомые картины висят на своих местах, потом одумался, вернулся в рекламный отдел.

«Ладно, редактору некогда, может старого приятеля Дмитрия встречу, тоже давно знакомы. Остальные сотрудники молодые, я их не знаю».

В рекламном распоряжалась симпатичная молодая, из тех, кто на диете, следит за внешностью, знает себе цену и всем

улыбается на американский манер – во все зубы, девица. Подшивку мне представила, а про Дмитрия сказала:

– Он редактора поздравил и домой отпросился.

– Что-то вы рано друг друга поздравлять начали.

– Так не с Новым годом, а с рождением сына.

– У кого сын, у Сереги?

– Ну да, жена ему сына родила, вот он и проставился.

Тут до меня дошло и про рассеянность, и про выпивку с закусками... Я слышал краем уха, что Серега второй раз женат, но как-то выпустил из вида и с женой его ни прежней, ни теперешней не был знаком. Надо пойти купить чего-нибудь, поздравить друга. Извиниться, что вел себя как олух царя небесного.

– Так он минут десять как в областной центр укатил. «Семерка» стояла у входа, не видели? Теперь вот нету, – в доказательство она даже выглянула в окно.

Заходили люди с объявлениями к празднику, с рекламными предложениями, девушка профессионально и быстро набирала материалы на очередной рекламный вкладыш. Приближался обеденный перерыв, и она стала поглядывать на часы. Я решил не задерживать ее и, сказав, что долистаю подшивку после обеда, временно откланялся.

На улице морозец поубавился, а солнышко добавило света и тепла. Люди совершали свои непонятные разнонаправленные движения. Спешили, наверное, домой, пообедать в кругу семьи, потом опять побегут на службу. Тут на площади я почувствовал свою праздность, ненужность, неприкаянность...

«А может, это и есть счастье? Свобода. Никуда не надо спешить, никаких тебе проблем, редакционных заданий, обязательств, цейтнотов, летучек, текучек, тянучек, тягучек...»

Счастье есть осознанный миг бытия! Кто-то уже формулировал так, или это родилось только что, произвольно?

Никогда еще так стремительно и кардинально не менялось мое настроение, – подумал Евгений Васильевич. – Новые мысли, новые идеи, пока еще туманные, не определившиеся, философского плана, копошились в голове. Не зря говорят, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах.

* * *

В конце девяностых журналистика уже не могла прокормить мое взрослеющее семейство. Никогда не забыть того жгучего стыда и боли, с какими я смотрел на одежду и обувь своих детей. Максим уже учился в городе. На его учебу и проживание в городе нужны были деньги. А Маша и Андрюша ходили соответственно в восьмой и девятый классы. При этом девочка симпатичная, спортивная, развитая, она и выглядела взрослее, и размышляла глубже. Ее привлекательность оценивали и сверстники, и ребята постарше. Хотелось и на дискотеку, и на природу с друзьями. Что-то там с мамой перешивали, перекраивали... Моя рубашка на выпуск и под пояс, которую я носил еще до армии, на какое-то время выполняла роль модной кофты или блузки... Не знаю.

Андрюшка вообще помалкивал. Купил ему старенькую гитару с рук, вот он и отводил душу. Из его комнаты слышалось: «Андрейка – батарейка», про окурок там еще что-то. Соберу, мол пустых бутылок, сдам... Ни разу меня дети не попрекнули ничем, что я не кручусь, не верчусь... А разве я не вертелся? Что-то кушали, пили чай, заваренный шиповником, смородиновым листом, надевали свои истоптанные, дырявые кроссовки и шли в школу или по своим делам. По каким, мне даже интересоваться некогда было. Вертелся. Хватался то за торговлю, то за фермерство. Но правила игры были такие мудреные, что играть по ним можно только в столицах. Периферия загибалась всякая на свой лад. Продавцы

подворовывали, предпринимателей душили налогами, а фермерство вообще ради потехи затеяли, да чтобы колхозы угробить. Колхозы напоминали коммунистическую идею, а в России принято с каждой новой метлой мести по-новому. Вот и надо было все искоренить и похерить.

Вот тогда-то, когда допекло, все бросил и с неделю лежал на диване, уставясь в потолок. Как раз отдел культуры присоединял к себе пришедшую в упадок киносеть. Заведующая пригласила директором киносети. Пошел. А куда деваться? Хотя уже до этого культура сидела в печенках.

Сначала киносетью занимался, восстанавливали установки, готовили помещения к зиме, возили фильмы. Потом телевидение передала, переоборудованием кинотеатра под танцкласс занимался, а в придачу ко всему еще и районный Дом культуры со всеми клубами на меня навешала.

Много воды утекло с тех пор... Маша, моя дочка, которая уже теперь закончила колледж культуры, вышла замуж, родила мне внука, решила поступать на заочное отделение по специальности художник-дизайнер.

* * *

Вынырнул, как карась из воды, на залитую солнцем улицу. Хватанул морозного воздуха, пьянея от прилива свежей порции кислорода, начал соображать, что до отправления автобуса от берега Иртыша оставалось, не более получаса. Поймать такси, заплатить хорошо, может быть, еще и успеешь.

Но как раз в этот момент на Евгения Васильевича напало неизъяснимое желание никуда не спешить. И радость от этого начала восходить, как солнце в зенит.

«Я в древнем городе, которому более четырех веков. Двадцать поколений прошло по этой земле. Сколько судеб, стремлений, планов, амбиций... Куда ты спешишь? Жизни твоей – один миг. Зайди вон в церковь. Помнишь, как будучи еще заведующим, приезжал

сюда за халатами, вениками, краской, известью... Потому что власти в церкви устроили тогда межрайбазу. Снабженческую организацию, где душу твою исповедовали крикливые тетki. Не подмажешь – фиг что получишь. Принцип универсальный, и никакой суд совести его не мог осудить, потому как старался не для себя, а для культуры района. Помнится, там же, в церкви, на втором этаже располагался историко-краеведческий музей. Надо сходить, вспомнить историю. А пока пройду на рынок, потолкаюсь среди людей.

Вот, торгует люд, как и четыре сотни лет тому назад. Так же и при Иване Грозном в крепости продавали мороженую рыбу, клюкву, кедровые орехи... Вот, может, только этих заморских тряпок не было, да штиблет. Больше пушнины, натурального да ремесленного.

Надо что-нибудь купить на память о древнем городе, о сегодняшнем дне.

– Дядько, купи шонэбудь, – симпатичная хохлушка с ямочками на щеках предано заглядывала в глаза.

– А сколько ж оно стоит? – невозможно было не улыбнуться ей в ответ.

– Кто?

– Твое «шонэбудь».

– Тю на вас. Я ж сэрьёзно.

– А я пошутил, не обижайся.

– Та я нэ обидылась. От свитра на вас, купить свитру. – Она ловко выхватила серый свитер крупной вязки, в один миг повернула меня спиной к себе, и приложила его, держа за плечи, к спине.

– Дывиться, яка гарна свитра, чисто на вас.

Самое главное, что мне действительно захотелось купить именно этот свитер.

– Ладно, я обязательно куплю, только завтра утром, перед отъездом, а сейчас у меня другие планы.

Потом бродил по краеведческому музею. Тоже старинный купеческий дом, как и редакция. Город богат такими зданиями. Все здесь ведет в какие-то глубины истории.

На улице уже смеркалось. Морозец крепчал. Сначала Евгений Васильевич было отправился на остановку, хотел добраться до берега Иртыша, но там, кроме как на попутку, рассчитывать было не на что. Померз на остановке, зашел в хозяйственный магазин напротив. Продавец изнывала от безделья среди бачков, раковин, смесителей, бойлеров и всякого необходимого хозяйственного добра. Она с удовольствием приняла участие в размышлениях, как наилучшим образом поступить в данной ситуации.

– Вряд ли, чтобы в том вагончике кто-то дежурил всю ночь ради того, чтобы продать пару пирожков и стакан чая. Попутки тоже редкие в это время, уголь от берега возят только днем. Если нет знакомых в селе на противоположном берегу, то мой вам совет – идите в гостиницу. А там – утро вечера мудренее.

В гостинице места были все заняты. Оказывается, омские строители сдавали срочный объект и заняли все места. Евгений Васильевич такого оборота совсем не предполагал, он думал: «Ну кому тут гостиница нужна, только такому же чудаку, как сам, или командированному. А оно вон как обернулось. Ну, и что теперь?»

Заведующая уже готова была почувствовать, что-то начала говорить насчет «подставить раскладушку в комнату к строителям».

В это время в коридор от ближайшего бутика, которые и тут приткнулись на первом этаже, выдвинулась молодая, в джинсах и с сигаретой в руке.

– Если хотите, можно найти где переночевать. У меня знакомые квартиру сдают.

Евгений Васильевич оценивающе окинул ее картинную позу в облегающих джинсах, модном топике, одна рука поддерживает другую под локоток, а та с сигаретой и кистью на отлете исполняет замысловатые выражи от накрашенных губ и обратно.

«Нет, это мне дороговато станет. Хотя по сегодняшнему настроению – чего бы не

раскатать губу на ширину кошелька. Надо обмозговать такой поворот событий».

– Спасибо, я пока попробую еще парочку вариантов.

– Да что, у вас знакомых в городе нет?

– Не хотелось знакомым создавать проблемы.

– Ну что тут за проблемы, небось каждому в жизни приходится. Если ничего не найдете, приходите, что-нибудь придумаем.

На улице долго уже нельзя было находиться, мороз крепчал. Зашел на главпочтамт. Для начала надо жене домой позвонить. На почте всю шел ремонт. Центральный вход был заставлен лесами, занавешен пленками, внутри стучали, сверлили...

Работали строители, несмотря на позднее время. Через окно с машины разгружали кафельную плитку, рулоны и еще какие-то материалы. Раньше такого бы не увидел, чтобы ночью работали. А сейчас все помешались на евроремонтах. Кому-то жрать нечего, а чиновнику евроремонт подавай, чтобы он себя при жизни божеством возвеличил.

Подсказали, что на переговорный надо с торца здания. Зашел в уютное небольшое помещение. Здесь евроремонт уже сделали. Только над кафелем, метлахской плиткой и всей красотой странно выглядели чугунные батареи с нелепой разводкой и стояками куда-то под потолок.

Два кассовых окошка напротив входа, посередине зала широкий стол – хоть телеграммы составляй, хоть роман пиши, хоть завещание. Рядом кресла, как в кинотеатре.

Заплатил за минуту разговора, чтобы не рассусоливать: что да почему. Объяснил: опоздал на автобус, заночую в гостинице, завтра приеду.

– Ну, ты и придумал! На неделю вырвался домой, мы тут ждем, готовим, а он ночевать решил по гостиницам...

Жена была недовольна.

– Ладно, не переживай, так вышло, еще надоем за оставшиеся дни. Обещаю.

«Вот тут и ночь скоротаю, – подумал Васильевич. – Еще бы телевизор, да и поесть уже не мешало бы. И зачем мне гостиница. Эта девица еще с сигаретой, в джинсах... Настучат еще по затылку в каком притоне. Они ж не знают, что у меня с собою денег «как кот накапал». Так говорил Максим, мой старший, когда был еще совсем маленький. Сейчас сын в Омске. Жена его закончила институт, получила образование, работает преподавателем в финансовом колледже. Сынишке ихнему уже третий годик, в садик ходит. А Максим трудно добывает свою копейку. И диспетчер, и грузчик, и шофер – все в одном лице в коммерческой фирме. Дальние рейсы в Новосибирск и обратно. Туда – молочные продукты, обратно глазированные сырки, творожная масса, мороженное и что там еще?»

Закончил культпросветучилище, поступил в институт, владеет инструментом, но теща не дала учиться. Все намекала: «Надо папе денежки зарабатывать, правда, Илюша? Как папа должен денежки зарабатывать?» Малыш изображал на лице наивысшую степень усердия и старательно стучал кулачком об кулачок. «Вот так! А как мама денежки будет тратить?» – Илюшка подымал к лицу ладошку лодочкой, потешно вытягивал губки трубочкой – «Фу!» – дул вдоль ладошки, как будто посылал воздушный поцелуй. А потом разводил руки в сторону, да так широко, аж прогибался, выпячиваясь – и на лице – предельное удивление: «Нету денежек!»

– Мужчина, мужчина! – В окошке кассы появилось лицо операторши. – Здесь дремать не устраивайтесь. Вообще посторонним не положено находиться, нас ругают. Поговорили – и до свиданья. Наряд милиции через каждые полтора часа проверяет, документы смотрят.

«Ну, вот, меня уже и за бомжа принимают», – усмехнулся про себя Евгений Васильевич.

На улице темень уже загустела. Пошел не через площадь, а почему-то задворками.

Как еще бомжу ходить?! Возле кочегарки огромная куча угля. Мужик долбит смерзшиеся комья, засыпает в железную тележку с двумя рогами ручек и на одном колесе. Такая тачка живучая, со времен «Беломорканала», наверное, до наших дней дожила! Фуфайка у мужика надета почти на голое тело. Под ней видна только черная майка. Шапки на голове нет. Пряди волос слиплись от пота. Парень молодой, здоровый, чернявый. Работа ему, видать, не в тягость. Разминается. В свете фонаря видно, что лицо доброжелательное, никакой гримасой не перекошено.

– Я на автобус опоздал, гостиница забита строителями, у вас тут не перекантуюсь до утра?

– Заходи, грейся. Там и топчан, и телевизор есть. Я почти не отдыхаю. Прожорливая, зараза, – он поднял глаза на высокую трубу, которая где-то там, вверху коптила ночное небо.

– Ладно, спасибо, щас схожу в магазин, куплю чего к ужину.

Тут недалеко, за площадью сразу, был большой продуктовый магазин и столовка. Я помню, еще когда заводделом приезжал на межрайбазу, всегда там обедали.

Взял чойсов, копченую скумбрию, хлеба и бутылёк на два с половиной литра охлажденного пива. Наверное, кочегар там не один, как минимум напарник есть.

На месте бывшей деревянной столовки возвышался двухэтажный особняк, в нижнем этаже – магазин, в котором все давно было переустроено по-особому. Ни раздачи, ни кухни с огромными кастрюлями на плитах, ни очередей...

Никакого напарника у моего знакомого кочегара не оказалось. Чтобы побольше получить, он решил работать без сменщика.

– Не тяжело одному?

– А если с напарником, то что получишь? У меня дочка и пацан уже в школу ходят. Одеть-обуть и пожрать надо. Да и сами, пока молодые, строимся вот. Хорошо еще, жить есть где, хибарку купили. А дальше? Учить

же детей надо будет, вот и бьемся. Сейчас к нам в управляющие баба нормальная, коммерсантка пришла, хоть заработать дает. А то ж было – ни себе, ни людям. То профсоюзы не разрешают, то по закону не положено. Вот летом поедем по районам кочегарки ремонтировать, к вам в село тоже. Я ж специалист: и слесарь, и механик, и сварщик. Раньше мы к муниципалке относились, ничего нельзя было. А теперь дают заработать, спасибо!

Выпили пива, разогрели чойсы, нарезали хлеб и рыбу.

Да, русского человека нетрудно сделать счастливым: сначала надо все отнять, а потом хоть что-нибудь из отнятого вернуть. Хотя бы ту же возможность трудиться, хоть как-то на жизнь зарабатывать. Интересно, та баба, коммерсантка, не из райкомовских ли пришла?

– Ну, ладно, я побежал, а вы тут располагайтесь. До восьми утра никто сюда не придет. Вон душ, телевизор, это вот электроплита, если чай надумаете поставить... Мастер к восьми приходит проверять, так что надо будет вам чуть раньше выбираться, чтобы лишних вопросов не было.

Васильевич туловище устроил поперек топчана, а ноги взгромоздил на кресло. Оставил другую половину топчана свободной, чтобы кочегару было куда присесть. Включил телевизор. Но там была такая муть, что смотреть перехотелось. Чай заваривать тоже не стал. Да и пива выпил чашечку-другую, чтобы только соленую рыбу перебить.

Моторы мерно гудели. Одно окно комнатухи выходило как раз в сторону котлов. Их было четыре. И стояли они шеренгой, смотрели в сторону окна, как пушки, жерлами на неприятеля. Парень подкатывал тележку, лопатой откидывал дверцу, открывался красный зев топки. Поспешно закидывал три-четыре лопаты и переходил к следующей. Так пока не опустеет тележка. Потом забегал, пил пиво, накидывал фуфайку на потную

черную майку и отправлялся на улицу добывать уголек из огромной смерзшейся кучи.

И так всю ночь напролет. Забежит, пивка глотнет, сигарету в зубы – и пошел кормить прожорливые топки. А там где-то дома сын и дочка растут. Придет отец с ночной уставший, завалится спать, а они – в школу. Вырастают, он и не заметит когда.

* * *

Вот так и мои. Что я помню? Маша на Новый год ударилась кобчиком, когда съезжала с горки. Ей было три годика, Андрею четыре, а Максим ходил в третий или четвертый класс. Собирались еще на площадь идти, пришлось домой бежать, к маме. Праздник на этом и кончился. Еще и поругались вдобавок. «Ни на минуту вас нельзя с папой оставить!»

Потом, помню, с Максимом играли в хоккей. Это уже классе в шестом. Загрузил однажды всю «шестерку» в свой старенький «жигуленок», форму – в багажник, и поехали за тридцать километров на товарищеский матч. Тренировал их тогда Васильевич. Было это сразу после 23 февраля, в ближайшие выходные. Для пацанов игра на выезде – настоящий праздник. Настраивались воинственно, девиз придумали – «Алягер ком алягер». А соперники выставили великовозрастных верзил против его шестиклассников. Пытался поговорить с организаторами. Да где там! Мол, это они такие рослые ребята, а тоже в шестом – седьмом учатся. Ладно, будем играть.

Максим кинулся под удар самоотверженно. Шайба поднялась по его подставленной клюшке и угодила в лицо. Щелчок в сторону ворот был мощнейший. И выполнял его здоровенный детина, никак не меньше, чем десятиклассник. Кровища! Максим лежит на льду и часто-часто так сучит ногами. А какая там скорая в деревне?

Еле нашел в выходные врача, привез в амбулаторию... Марганцовка, промывка,

швы... Пацаны встречают нас: «Евгений. Васильевич, Максим, мы выиграли, мы выиграли!» Максим улыбается зашитыми губами, синяк под глазом. А у Васильевича – кошки на душе.

Дома крик: «Изуродовал пацана! Сделали подарок маме к восьмому марта своим хоккеем!» Ничего, зажило все быстро. К празднику уже грамоту из Тары привез – участвовал в шорттреке, показал лучший результат.

Неужели это у меня уже трое детей, внуки и все те проблемы, о которых постоянно голова болит? Живем, чтобы выжить. Вокруг посмотреть некогда. Один за двоих надрывается, другой за три девять земель едет на учебу сыну зарабатывать, а третий – за три моря – расслабиться... Расслоение общества. Слово-то какое! Так вы делайте что-нибудь, чтобы его не было.

* * *

Проснулся от шума работающей техники и от громкого мужского разговора. «Белорусик» с ковшом загружал углем «Камаз». Шофер с кочегаром что-то громко обсуждали. За окнами темень начинала подсвечиваться предрассветной синевой. Пора было выметаться, пока начальство не нагрязнуло. На часок еще можно было заглянуть на переговорный. Потом на рынок – «свитру» купить, гостинцев внуку, что-нибудь жене в знак внимания – и на автобус.

Далее все происходило в обратном порядке: промелькнули кусты с пустыми бутылками на ветке, потом затянувшаяся полынья с грязными машинными следами от нее, вагончик с предпринимателем и пирожками с капустой и выстуженный ожиданием автобус сибирского исполнения.

Когда, наконец, согрелся и за окном уютно замелькали утонувшие в сугробах деревья, снова накатило. Неужели это мне больше пятидесяти и через час дома меня ждут жена, дети, внуки?

Трагедия старости не в том, что стареет тело, а в том, что душа остается наивной и молодой. Не хочет признавать прожитых лет, потраченных неизвестно на какие пустяки. А когда писать про героя своего времени? Когда любить, стреляться на дуэли? Неужели все это уже было и я пропустил значительную часть по ходу сюжета? Мы приходим в этот мир, когда представление уже началось и покидаем его, не дождавшись финала. Купил билет, а пришел к окончанию фильма, к титрам и к музыке. Кто там в главных ролях? Кто режиссер? Кому это играет музыка?

* * *

За накрытым к празднику столом пришла мысль позвонить другу в город, поздравить с Новым годом. Так, с бокалом в руке, и начал набирать номер.

– Алло, Серега, я ж не знал, что у тебя сын родился. Так – с двойным тебя праздником! Чтобы все сбывалось – и счастья!

Долго Евгений Васильевич слушал трубку в ответ, а повернулся к гостям с просиявшим лицом: оказывается, друг назвал своего сына его именем.

– Так выпьем за тезку!

Снова мелькнула «таблетка» скорой помощи, уходящая в полынью. Но это в воображении. Наяву-то он этого не видел.

В одну и ту же ночь, может быть, даже в одно и то же время, одна жизнь зародилась, а другая прекратила свое существование.

Вот и думай теперь: это тайный замысел Бога или совпадение нелепых обстоятельств, как и вся наша жизнь.

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ

Родился в 1990 г. в п. Большеречье Омской области. Работает заведующим научно-краеведческим центром в Тарской центральной районной библиотеке. Стихи и проза публиковались в различных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Самары и других городов. Лауреат ряда всероссийских и международных литературных конкурсов, лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2015). Автор книги стихов «Облачный парус» (Омск, 2014). Член литературного клуба «Вечера на Александровской».

МЁРТВЫЙ КОСМОС

Чернота (хуже лишь в петле),
Но, наверное, это правильно:
Я в космическом корабле,
Неизвестно куда отправленном...

Михаил Четыркин

Если вы думаете, что за бортом тишина, то глубоко ошибаетесь. Вслушайтесь... Снаружи по обшивке корабля колотят мелкие камушки, заброшенные сюда, должно быть, с другого конца галактики. Конечно, вы не слышите, как они скребутся и жалобно взвизгивают, рикошета, ведь несколько слоёв звукоизоляции и полный вакуум снаружи создают ощущение, что там царит мёртвая тишина. Но это обман! Слух подводит вас. На самом деле вакуум жив. Если вслушаться, можно различить шипение плазмы в утробе далёкой Бетельгейзе. Это красный гигант. Пузатая звезда, прожигающая космический мрак. Даже её жар можно почувствовать, стоит лишь протянуть руку к иллюминатору и коснуться стекла кончиками пальцев.

Вы этого не чувствуете. Не в силах ощутить. Вам невдомёк, что за бортом не бессловесная пустота, а мир, говорящий с нами. Надо лишь выучить его язык, и мы сможем ответить, выкрикнуть во вселенную, чтобы в самых дальних и тёмных её уголках заплясало восторженное эхо!

А ведь мы можем! Могли... Какие у нас были амбиции! Мы смотрели на небо сквозь оптику телескопов и мечтали... высадится на Луну, встретить более развитую расу. А что теперь? Перелёты с одной планеты на другую. «Космические грузоперевозки» – звучит?! А вот ни черта подобного! Романтики и след простыл. Теперь космос – это переплетение транспортных артерий. Он кажется вам мёртвым, как нанобетон на земных дорогах. Но космос жив. Я чувствую это...

Какое сегодня число? Хотя не важно... Вот уже который год я нахожусь на орбите этой планеты. Старший техник обещал, что починит генератор в течении пяти суток, но он лгал. Я видел это в его глазах. Взгляд не умеет лгать. А за ложь нужно наказывать! Всегда! Я взял пистолет, прижал к затылку этого подлого лгуна и нажал на спусковой крючок. Согласно инструкции, оружие должно быть и у капитана, но какой русский следует инструкциям? На всём корабле пистолет лишь у меня! Хороший пистолет. Семь патронов, один щелчок предохранителя – и всё...

Когда сломался генератор, нас было шестеро, а магазин моего малыша был полон. Теперь там пусто. Но мне ничуть не жаль, что себя я пули не оставил. Мне не жаль... я получил великий дар – возможность чувствовать космос. Слышать, видеть, осязать. Когда кончики пальцев начинает пощипывать, я могу с уверенностью сказать, что вблизи пролетел астероид. На орбите планеты, которую я назвал Ниной, кружится много астероидов, но за годы моего затворничества не было ни одного столкновения. Может, Бог оберегает? Ведь отсюда до него, наверняка, каких-нибудь пара световых лет...

Нина. Красивое имя для планеты. Так зовут мою дочь. У неё светлые кудряшки, совсем как у мамы, и мои глаза – серые. Кто-то говорит, что серый цвет символизирует холод, но нет же! Серый – цвет нашей жизни. Цвет обыденности, но в то же время искренности. Иногда она отвечает мне... не дочь, а планета. Я вижу, как далеко внизу вспухают

нарывы вулканов, как серые, будто глаза моей дочурки, облака пронзают юркие кометы. Чувствую, как планета содрогается и болезненно скулит. Тогда я встаю с кровати, иду к иллюминатору и прикладываю ладонь к стеклу. Глажу холодную поверхность, приговаривая: «Успокойся, Нина, всё пройдёт». И планета замолкает, засыпает, убаюканная моим голосом.

Капитан не верил мне. Никто не верил. Но больше всех – он. Твердил, что я сошел с ума. Это было ещё до того, как я вышиб мозги лживому технику. Инженеру – так он себя называл. Не смог исправить пустяковую поломку, а признаться не хватило духу...

Но капитан... Как он смотрел на меня! Эти зелёные глаза... Странные, зелёные глаза. Знаете, когда я вижу зеленоглазую женщину, думаю что это ведьма. А мужчину... Я ненавижу зелёный цвет, но его глаза всё равно были зелёными! И тогда я сказал ему: «Послушай, ты! Не смотри на меня так! Я нормальный!»

А он смотрел, говорил, что ему жаль, что он скорбит о моей утрате. Он говорил, что Нина умерла быстро... Он посмел сказать, что моя дочь у-мер-ла... Лжец!

Как вообще сходят с ума, если вдуматься? Осознают ли собственное безумие? Вот, к примеру, Петровский... Он, хоть и врач, но после полугода заточения сказал, что начинает сходить с ума. А говорят, что безумцы никогда не признаются в безумстве! Но он-то признался. Он-то нашел в себе силы, чтобы взять нож и воткнуть его себе в самое сердце, во-о-от сюда, где у каждого из нас стучится о рёбра маленькая планета...

Мы перевозили продукты. Тысячи тонн груза для отдалённой колонии. Обычное дело – загрузиться на Земле и отчалить. Путь в одну сторону – полгода. Обратный, с остановкой на Баркане, – восемь месяцев. Мы четырежды летали этим курсом. За пятнадцать лет не было никаких перестановок в экипаже. Тот же капитан, тот же техник, тот же офицер безопасности – я. И мы летали... Перевозчикам всегда хорошо платят.

Мерзкий толстяк по фамилии Карасёв пожимал нам руки по возвращении, говорил, что мы сделали важное дело и раздавал зарплатные карточки. Семьсот тысяч кредитов за один полёт! С ума сойти, какие это были деньги. Вот то безумие, в котором можно упрекнуть каждого из нас. Мы покупали себе хороший транспорт, ремонтировали дома. Нина учила языки. Я специально отдал её в платную школу – мог себе позволить, – где девочка изучала китайский, арабский. Даже мёртвый английский и тот учила. Она у меня умница. И красавица – вся в мать...

Мать... Мать твою, капитан! Ты даже в мои воспоминания влазишь и всё путаешь, дохлый зеленоглазый мерзавец!

Шарков был лоцманом, сколько его помню. Прокладывал путь между близко расположенными планетами. Бывало, что в гравитационную яму, как он это называл, проваливались даже крупные транспорты, не то, что наш коротышка-корабль, вот Коля и следил за курсом. В тот день он прибежал к нам и сказал, что всё пропало – гравитационное поле планеты затягивает нас на орбиту, а генератор, который должен бороться с чёртовой гравитацией, сломался. Он сказал, что кто-то намеренно повредил блок управления. Кто-то... Кто-то из нас. Может быть, я? Повредил блок... А это значило, что удрать мы не сможем. Коля – единственный из всех, кого мне искренне жаль. Он ни в чем не виноват. Но стал-таки первым, кто ушел из жизни. Док сказал, что сердце не выдержало.

Коля, доктор, затем этот тощий прихвостень капитана – Ильин. Как же его звали?.. Ещё бы вспомнить... На него я потратил две пули, одна из которых могла быть моей. Ублюдок кинулся на меня с ножом, замахнулся.

Он сказал, что я – убийца, что я спятил...

Ещё мгновение, и клинок пропорол бы мне грудь. Шагнул, замахнулся, а в глазах – безумие и ярость. Вот кто был психом! Я замешкался, потому что цвет глаз у него

был таким же, как у моей дочурки, а потом... Потом капитан. Улыбчивый, лощёный... Его всегда любили женщины – зелёные глаза, светлые волосы да ещё крепкое тело. Стоило капитану зайти в бар, и его тут же окружали красавицы – только выбирай. Одна из бывших пассий кэпа как-то призналась мне, что её всегда заводил зелёный цвет глаз. Зелёный! И вот однажды он с надменной усмешкой на своей подленькой крысиной мордочке заявил: «Что, Денис, не нравятся мои глаза?» Да нет же, не сказал, лишь подумал. Зря он об этом подумал!

Мы к тому времени кружились на орбите уже второй год. Втроём: я, капитан и техник. Нервы сдали у всех, и разве что мне удавалось сохранять присутствие духа. Капитан вопил, как баба, что если два года нас никто не искал, то и не найдут, ведь включены поисковые маяки, сигнал бедствия подаётся непрерывно, а они всё равно не ищут. Техник говорил, что это всё из-за магнитного поля планеты. Из-за Нины. Да как он посмел обвинить её в нашей беде?! Мою дочь! Чёртов подонок! И капитан не лучше. Вот когда вскрывается истинная сущность человека! Капитан сказал: «Отдай мне оружие, парень»... Он подозревал, что я спятил, но ещё большой вопрос, кто из нас двоих был здоров!

А потом я вскинул пистолет и мягко нажал на спуск. Так плавно, как будто боялся промахнуться. Попал, конечно – с расстояния в пять метров трудно промазать. Прямо в глаз! Точно в один из противных бело-зелёных шариков, которыми он пялился на меня. Хлюп! И вот уже нет капитана. Помню, как я сказал технику, что нас осталось двое, но пистолет только у меня, ведь я офицер долбаной службы безопасности! Я приказал ему: «Чини!», и он послушался, а потом развёл руками, мол, не могу, и тогда – «Бах! Бах! Бах! Бах!»... Пока его череп не раскололся от избытка свинца.

Иногда мне кажется, что стыковочные шлюзы отпирают и в корабль проникают люди. Тогда я вскакиваю с кровати, босой

бегу через полутёмные отсеки, не дожидаясь пока автоматизированная система освещения услужливо зажжет лампочки над моей головой.

Бегу, бегу...

То ли в бреду, то ли наяву.

Бегу, бегу...

Прорезиненные коврики впиваются в ступни ребристыми выступами, и я понимаю, что вокруг не сон, не бред, а реальность, которая хуже любого бреда.

Бегу, бегу...

Но возле стыковочных шлюзов, конечно же, никого нет и быть не может. Хотя... стоит мне развернуться к ним спиной, вновь слышится шарканье шагов, стук тяжелых ботинок по полу, приглушенные перешептывания. Долетает из дальних отсеков звонкий детский смех.

Однажды я решился – взял в руки кухонный нож и пошел посмотреть, что творится в отсеке. После отбытия с Земли мне приходилось бывать там нечасто – продукты для экипажа хранились отдельно. Огромное помещение, заставленное коробками и тюками с тряпьем, встретило меня затхлостью, запахом гнили и разложения. За пределами отсека смрад не чувствовался – спасала система вентиляции, но все продукты, которые мы перевозили, были испорчены и теперь от тошнотворно-сладкого запаха кружилась голова. Я поскользнулся и чуть было не растянулся в грязно-бурой луже, которая натекла из-под дальних контейнеров.

Потом сзади послышалось хлюпанье босых ног, я обернулся и увидел её – Нину, мою малышку. Но она не могла находиться на корабле, и я закричал, бросился прочь из отсека, а когда у самого шлюза обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на дочь, её не было видно, как и бурых потёков на полу. Пропал и сладковатый запах. Больше я никогда не ходил в тот отсек. Он намертво заперт и заблокирован с главного терминала. Больше я туда не войду, а то, что таится за ящичками, никогда не выберется наружу.

За двое суток до трагедии пришло сообщение с Земли. Чёртов лжец Карасёв сообщил, что моя дочь утонула в школьном бассейне. Моя Нина! Но он лгал. Теперь я это понимаю. Он лгал, потому что он – Карасёв. Жирная рыбина – карась, который не умеет плавать. А Нина умеет и никогда не утонет. И я умею. Я плаваю по космосу на большом грузовом корабле.

На корабле есть спасательные модули – маленькие, похожие на патроны капсулы, в каждой из которых способен поместиться человек. Через месяц после поломки генератора мы решили проверить, можно ли таким способом выбраться из ловушки. В теории всё было просто – нужно сесть в капсулу, задать координаты эвакуации, и умная техника доставит тебя к ближайшей транспортной магистрали, где спасённого человека подберут в течении десяти суток. Никто не хотел становиться подопытным, и капитан положил в капсулу свою рубашку, а я – подушку.

Мне не жаль убитых. Мне жаль подушку...

Капсула выстрелила из спасательного отсека, и мы, как замороженные, смотрели на её полёт. Через минуту огромная сверхтехнологичная пуля с моей удобной подушкой загорелась и взорвалась. Тогда я придумал, что делать с телами. Я знал, что скоро трупов будет много.

Это просто – нужно положить покойника в капсулу, задать координаты и наблюдать, как та сгорает в атмосфере.

Я экономлю энергию реактора... но ночью, когда я решаю, что это – ночь, над кроватью горит лампа. Я боюсь этих людей: капитана с его зелёными глазами, тощего мерзавца с ножом и техника... Они приходят ночью, бродят по каютам, забираются в подсобные помещения, скребутся под полом и в системе вентиляции. Их тени мелькают в тёмных коридорах. От них пахнет горелым мясом. Я просыпаюсь, бегу на звук шагов, включаю свет в холодных отсеках, но там никого. Совсем никого.

Я спрашиваю космос, сколько мне ждать, но космос молчит! Я кричу: «Сколько мне осталось?!», а в ответ – могильная тишина. Слышу, как поскрипывают пластиковые сочленения внутренней обшивки, как тихо шипит система охлаждения бортового компьютера, но космос молчит. Он таится, делает вид, что не слышит меня. Мерзавец!

Когда-нибудь нас найдут. Меня. К торговому кораблю пристыкуется спасательный модуль, люди войдут внутрь и увидят в кресле пилота сморщенное тело старика. А может, и не найдут никогда. Долго будет кружиться корабль вокруг необитаемой планеты. Астероид ли прервёт его бесполезное существование, или взорвётся реактор – кто знает... А пока я надиктовываю свои мысли, в иллюминатор за мной наблюдает Нина... Доченька...

ХОЛОД

За ночь небо совсем выстыло. Серое, мрачное, оно жалось к земле, сыпало редкими снежинками. По соловой реке шла шуга.

– Зима! – запрокинув голову, выкрикнул в низко надвинутое небо Игорь.

Ему почудилось, будто в этот рассветный час слова ударились о мёрзлую корку остеклевших туч и горохом сыпанули вниз, раскатившись эхом.

– Чего раскричался-то? – послышался от ворот скрипучий старушечий голос. – Я тут подумала...

Игорь обернулся, хрустко прошагал по мёрзлой траве, обхватил сухую старушонку за плечи поверх пухового платка и повёл в дом.

– Ма, ты, это самое, чё встала-то? – бормотал он, склонив голову в дверном проёме, шагнул в единственную комнату ветхого дома.

– Тебя ждала, – мать безвольно вздохнула. – Да и воздуха свежего захотелось, а то вдруг более не придётся вздохнуть по-настоящему.

– Типун тебе на язык! – насупившись, заворчал Игорь. – Докторша что сказала: надо лежать, таблетки пить и всё пройдёт.

Мать присела на край кровати, участливо взглянула на сына. Ржавая панцирка даже не скрипнула под щуплым телом, будто старушка весила меньше пуховой подушки.

– Пропадёшь ты без меня, – вдруг проговорила она и скосилась на почерневшие от времени иконки, расставленные на прикроватной тумбе.

– Ну, ма-а! – Игорь в отчаянье запустил пятерню в волосы, провёл ото лба к затылку.

– Ты же пьянствовать будешь с дружкой. Я-то знаю, – не унималась мать.

– Ма, ты, это самое, не говори так. Я же пообещал, что не буду... закладывать. Железно. По весне огород вспашем, посадим картошку, я Вовку к нам перевезу. Будет бегать голопузый между грядками.

Он натянуто улыбнулся. Странная была улыбка. На широком, небритом лице двухметрового детины она смотрелась неискренне.

Чему улыбаться? Что есть у Игоря к сорока годам? Ржавый «Юпитер» с помятым крылом, материнский домик-завалюшка на окраине захолустного городка... Скучость. Зато кореша рядом верные: Саня и Шуруп. Игорь попытался вспомнить имя Шурупа, но вдруг понял, что, кроме как по прозвищу, к заводскому водиле он никогда не обращался. Фамилия то ли Толкачёв, то ли Толмачёв. Да и чего о нём думать – надо о себе не забывать. Да, было времечко: жена, сынишка, работа. Мать сильная, волевая. Деревенская женщина – «баба», как именовал её покойный батя. И было это не ругательство, а признание исконной женскости, крепости. Отца она тянула по жизни пятнадцать лет. Батя, как теперь Игорь, частенько нырял в бутылку, тонул в ней от безволия. Мать спасала.

– Я подумала, – улегшись на кровать и глядя в белёный потолок, сказала мать, – в подполе огурцы, помидоры, капуста солёная в кадке. До весны тебе еды хватит. Сольца немного. Я тебе наготовила, чтобы хватило, когда уйду.

Игорь окаменело стоял в дверях. Тусклым, потерянным взглядом смотрел он на старушку. Мать шептала что-то ещё о том, как было бы здорово увидеться напоследок с Вовкой, с Настей. Упрашивала сына помириться с женой.

Когда она наконец уснула, Игорь вышел из дому, запрокинул голову к печальному небу и глубоко, полной грудью, вздохнул. Аж зубы заломило. Вдох сорвался на кашель.

Всё ближе зима, всё явственнее её присутствие...

– Боженька, пожалуйста, – зашептал Игорь, глядя на такое близкое небо, – дай маме здоровья... Я пить брошу... Ну, пожалуйста! Я не смогу один.

Небо молчало. Зато по пустынной улице, оскальзываясь в промёрзшие колеи, шёл Шуруп. Низенький, с пивным брюшком, словно приплюснутый. Голова его, казалось, плавно перетекала в тело, вместо шеи кустилась жёсткая щетина на холмиках второго и даже третьего подбородков.

– Здорово! – прогнусавил он издали.

В соседнем дворе зашла в лае собака. Шуруп зло пнул ворота, пружинисто направился к приятелю.

– Чё мёрзнешь?

Протянул Игорю пухлую ладонь. Поздоровались.

– Мать спит, будить не хочу. А ты чё?

– А меня Светка из дома выгнала. Говорит, буду пить – обратно не пустит. Квартира на ней записана. Дура тупая!.. – и вдруг предложил: – Давай накатим по случаю. У меня настойка имеется.

А в доме, прижав иконку Богородицы к сухим, потрескавшимся губам, мать шептала:

– Дай мне, Матерь Божия, ещё пожить. Игорёша не сможет без меня. Сопьётся ведь. Дай мне ещё чуточку времени. Грамулечку. Лишь бы вразумить его...

Выстывшее за ночь небо, холодное, с комьями смёрзшихся туч, висело над городком и замерзающей рекой. Вдалеке, на

перекрёстке, в морозной дымке показались ранние прохожие.

– Светка, дура, выходной мне испортила. Ещё кочевряжится, мол, хватит бухать. А она кто такая, чтобы мне указывать? – брызжа слюной, рассуждал Шуруп. – Нами жива Россия, город вот этот нами жив. Тобой и мной, а не бабами этими. Согласен?

Игорь оглянулся на улепленные инеем ворота, вздохнул.

– Согласен, спрашиваю?

– Холодно мне тут, – отозвался Игорь своим голосом. – Пойду в дом, к матери. Ты вон, к Саньку сходи, с ним накатай.

Шуруп пропал, словно и не было его, а Игорь задержался, невольно взгляделся в расступившиеся тучи, местами порозовевшие от разгорающегося рассвета, вместе с которым пробивались первые лучи солнца. Они совсем не грели, но почему-то от них стало теплым-тепло.

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

ПЁС

Собака бросилась на него, оскалив белые зубы, брызгая розоватой слюной, она отчаянно кромсала руку человека, руку, которая мешала ей осуществить задуманное – дотянуться до горла.

А человек уже давно не понимал, что происходит. С утра его опять штормило, болела голова и тряслись руки. Без всякой цели он бродил по двору, распространяя вокруг омерзительную вонь перегара, несвежей одежды и давно не мытого тела. Подходил к вольеру, где сидел его любимец пес полукровка – то ли лайка, смешанная с волком, то ли волк, смешанный с лайкой. Пес был серьезный, на любого зверя ходил бесстрашно, среди собак равных себе не знал и палочки-поноски всякие носить не собирался. Прошлым летом исполнилось ему три года, и понимающие мужики охотники цокали языками,

любуюсь силой и мощью этого зверя. А он, глядя исподлобья, приподнимая верхнюю губу так, что едва обнажались влажные белые клыки, издавал какой-то едва слышный гул, напоминающий рычание, в ответ на внимание. И этим внушал даже не страх, а чувство, похожее на уважение, и всякое желание потрепать панибратски его по белесому загривку улетучивалось бесследно.

Он признавал только хозяина. Подчинялся ему беспрекословно. Радостно повизгивал, как глупый щенок, едва распознавал своим необъяснимым собачьим чутьем приближающееся время выхода в тайгу на охоту. Да и сам хозяин к осени начинал тосковать по терпкому, крепко настоящему на хвое, воздуху тайги, по просторам, не обжитым человеком, по вечернему костерку. И они с собакой еще за две недели до отъезда уже знали, что вот-вот придет то время, когда они будут как одно целое, понимать и чувствовать друг друга для того, чтобы просто выжить в зимней тайге.

Пес внешне был очень похож на мать-чистокровную промысловую охотничью лайку. Она также была любимицей своего хозяина. Охотник очень ценил ее за умение работать в тайге, бесстрашие и собачью смекалку, за упорную настырность – ни за что не уйдет от дерева, если в ловушке соболек. Это упорство и вышло однажды ей боком. Март всеми своими приметам известил об окончании охотничьего сезона. Вернувшись с последнего, можно сказать прощального, обхода своих угодий, хозяин с вечера отметил богатую охоту, сытно поужинал и выпил весь оставшийся запас водки – не тащить же обратно. Натопил избушку-зимовье, да и уснул-забылся тяжелым сном пьяного уставшего человека. Лайка же напрасно упорным хриплым лаем звала его к дальней забытой ловушке, да не дождавшись, там же и осталась на ночь, вытоптав себе лежку в подтаявшем снегу. И только утром, услышав приближающийся гул вертолета, рванула бежать к зимовью. Охотник, проспав утро, грузил

мешки в вертолет, устраивал туда же двух других собак и все вертел головой, свистел и хрипло снова и снова выкрикивал кличку любимицы. Вертолетчики спешили. Незапланированная самовольная посадка в лесу могла им дорого обойтись. И задерживаться, поджидая запропастившуюся собаку, не согласились. И только когда вертолет был уже высоко в небе, лайка, вывалив алый язык, выскочила на истоптанную глубокими следами, измятую поляну. И вот тогда, перекрывая удаляющийся рокот человеческого предательства, вырвался отчаянный крик-вой из груди брошенной в тайге собаки.

Прошло время. Новая зима заметелила, запуржила, и с первыми устоявшимися морозами охотник вновь прибыл в свои охотничьи угодья. Радостно, предчувствуя привычную и любимую работу, выгрузил из вертолета пожитки, благодарно помахал вслед вертолету. Повернулся и замер. Из подлеска настороженно и пружинисто вышагнула его собака, и почти сразу же выкатились четыре щенка, выкатились и затявкали. Незнакомые звуки и запахи будоражили и волновали, заставляя просыпаться волчьими, собачьими ли гены.

Вот так и появился на свет наш пес. Каждую зиму он жил в тайге и пережидал межсезонье в просторном вольере во дворе частного дома на окраине сибирского городка. Каждое лето, мучаясь от безделья, хозяин пил. Это становилось с каждым разом все отвратительнее, время запоев удлинялось, и дни текли тягучими часами. Пес не выносил запаха алкоголя, он дурманил и приводил его в бешенство. Скрытая ярость вырывалась наружу: он агрессивно рычал, бросался на сетку вольера, рыл землю. Этим летом хозяин пил так много и долго, что нора, вырытая собакой, представляла собой глубокое волчье логово, где пес мог скрываться и лежать, не выходя сутками. Бывало, по утрам, принося еду, хозяин куражливый, требовательный голосом вызывал собаку из убежища, желая получить подтверждение собачьего повиновения

и своей хозяйской власти. Теперь, случалось, пес не слушался. Долгое отсутствие собаки раздражало хозяина все больше и больше, и наконец, изрыгая маты, взяв палку, чтобы проучить пса, он входил в вольер... Когда это случилось в первый раз, пес, глухо рыча, подчинился. Он очень любил своего хозяина и верил ему, он ждал время охоты и даже тосковал по скупой ласке за хорошо сделанную собачью службу. Но теперь, судя по всему, на охоту выехать хозяин не мог. Он опустил-ся и беспробудно пил, лишь хвастая своими охотничьими достижениями собутыльникам, и в доказательство каждый раз куражился у вольера, вызывая собаку из норы. В собаке вызревал протест. Но протест вызывал лишь ненавистный запах алкоголя, пес решил, что он был всему виной, а понятие «хозяин» в собачьей голове оставалось неизменным.

Сегодня пьянка продолжалась всю ночь. Какие-то люди сновали то в дом, то из дома, то по нужде, то в соседний дом за самогоном. И, не выдержав объёма выпитого, к утру затихли. Утро принесло тяжелое похмелье, злобное раздражение и, видимо, желание чувствовать, что кому-то может быть и хуже. Трое затоптались у сетки вольера, советуясь, продать собаку или обменять на пару «пузырей» на поправку. Хозяин раскачивался в вольере, противным пьяным голосом приказывал выходить, грязно ругался и тыкал длинным, грязным черенком лопаты в нору. Все вместе они представляли труднопроходимое препятствие для потока свежего воздуха, создавая стену смрадной вони. А когда хозяин вылил в нору ведро холодной воды – чтобы пес не разлеживался – терпению гордой собаки пришёл конец. Пес бросился на человека, стремясь дотянуться до горла и тем самым победить эту вонь, освободить хозяина, прекратить издевательство и глумление. Дружки разбежались, измученные пьянством соседи вызвали полицию. Наряд приехал быстро, но пес уже отступил и виновато ворча, скрылся в своем убежище. Посовещавшись, сотрудники полиции приняли жесткое

решение, несмотря на пьяные визгливые мольбы хозяина оставить их с собакой в покое. Прозвучало подряд пять хлестких бичевых хлопков. Выстрелы направлялись наугад в темное отверстие норы, и звенящая неловкая тишина подтвердила достижение цели. Все было кончено.

Наряд, пряча глаза, потоптался еще несколько минут по вольеру и уехал. А человек наконец начал трезветь. Прояснение, приходившее взамен уходящему дурману, повергло в шок: друга лучшего, надежного, верного, погубил своими руками. И он плакал громко, не стыдясь, стоя на коленях, раскачивался болванчиком прямо на полу грязного вольера, не замечая крови и боли на изодранных острыми клыками предплечьях и кистях рук.

Спустя два часа пес выполз из норы. Он был еще жив. Пули дважды прошли навылет, и лишь одна застряла в бедре. Крупных сосудов не повредили, и он смог зализать раны. Хозяину он больше не верил. Грозным, озлобленным рычанием встретил его попытку приблизиться к себе. Но способность чувствовать и думать уже вернулись к человеку. Он был виноват перед собакой, и должен во что бы то ни стало ее спасти. Срочно по телефону упросил другого знакомого охотника взять израненного пса себе. Укутывая обессилевшего зверя в одеяло, уворачиваясь от острых, как лезвия, собачьих клыков, теперь уже бывший хозяин наконец понял, что окружающая действительность – грязь и запустение – дело только его рук. И все, что в его жизни было хорошего, светлого и радостного, он и не заметил, как пропил. И слезы раскаяния ли, прозрения ли падали на серое замызанное одеяло, на израненные руки, но не приносили желаемого облегчения совести. И он монотонно бормотал, повторяя, как молитву, обращение к охотнику: «Ты только помоги ему, ты только выходи его, прошу, помоги ему...».

Как будто в этом теперь заключался весь смысл его потерянной жизни.

Из воспоминаний Николая Щербакова¹

СЛОВО НАСЛЕДНИКАМ

Наша семья (мои родители Щербаков Николай Иванович, Чукова Мария Максимовна и я) жила в одной коммунальной квартире с бабушкой Иваном Федоровичем, бабушкой Александрой Николаевной и их дочерью (младшей папиной сестрой) Ольгой Ивановной в доме, принадлежавшем до революции родителям Александры Николаевны. Мой отец, Щербаков Николай Иванович, с началом войны был мобилизован и направлен в город Горький (Нижний Новгород) на завод, выпускавший минометы. После войны и до выхода на пенсию работал ведущим инженером-конструктором во ВНИИЭМ, разработки которого были связаны с оборудованием для космической отрасли. Дедушка Щербаков Иван Федорович работал старшим агрономом в Министерстве сельского хозяйства СССР. Ольга Ивановна работала в медицинском управлении Министерства обороны. Моя мама и бабушка Александра Николаевна занимались домашним хозяйством. В мое типично советское детство практически никаких разговоров о дореволюционном прошлом я не слышала, хотя знала, что папа родился в Таре. В комнате у бабушки с бабушкой висел портрет человека монголоидного вида, про которого говорили, что он наш предок, почетный гражданин города Тары, но мне это ни о чем не говорило. Просто я любила своего дедушку Ивана Федоровича. Он был

¹ Род Щербаковых был известен в Таре. Видные купцы и общественные деятели, Щербаковы внесли большой вклад в развитие Тары, занимались торговлей, благотворительностью, заложили городской сад. Среди них: купцы Иван Ефимович, Фёдор Иванович, учёный агроном Иван Фёдорович Щербаковы и другие.

необыкновенно интеллигентным, добрым, но очень молчаливым человеком. Когда я бывала с ним, он только гладил меня по руке и в последний год своей жизни постоянно говорил о желании поехать со мной в Тару. Когда я была уже достаточно взрослой, услышала рассказы отца о жизни семьи Щербаковых в Таре и о работе и общественной деятельности там Ивана Федоровича. В 1982 году, работая в Российском Научном Центре Хирургии, я была в Омске на съезде хирургов. От местных коллег узнала, что в Таре есть Щербаковский сад, Щербаковская улица, но программа съезда была крайне насыщенной, а дорога в Тару, как мне сказали, долгая и неудобная. В общем, поездка в Тару не случилась. Дома я рассказала об этом отцу. Мой рассказ, наверное, пробудил его воспоминания о своем детстве. Он стал записывать свои воспоминания. К счастью, ему удалось сохранить довольно много фотографий, многие из которых он подписал. Папа стал часто рассказывать истории из своего тарского детства, особенно о ночном бегстве из Тары в деревню, где было много вооруженных людей и отец на коне с оружием в руках, что в глазах шестилетнего ребенка делало его героем-партизаном, ведь в дальнейшем в Москве у папы было типичное советское детство. Папа умер в 2000 году. А в 2014 году мой сын, Щербаков Игорь Леонидович, готовясь к проведению своего юбилея, стал просматривать свои и наши общие старые фотографии и задавать вопросы об изображенных на них людях. Я, как могла, на них отвечала, рассказала ему про свое посещение Омска, и вдруг Игорь предложил нам поехать в Тару. Вначале я даже это не очень-то серьезно восприняла, но сын своей активностью меня заразил. Так как никакого общения с Тарой у нас никогда не было, я начала со звонка в краеведческий музей, представилась, и со мной очень мило поговорили, пообещали заказать гостиницу и встретить. С нами захотела поехать и дочь сына Маша.

Конечно, в нашей поездке было некоторое авантюрное начало и неуверенность в нужности этого мероприятия. Но теплая встреча с жителями Тары в лице сотрудников музея и коллектива историко-краеведческого общества «Тарский уезд» сняла все эти комплексы. Мы были рады нашему общению, нашим поездкам по городу и в село Екатерининское. За эти несколько дней мы узнали много нового про своих родственников, про город, в котором они жили, историю Тары, про поколения тарских предпринимателей, которые много сделали для своего города и России. Очень понравилось посещение библиотеки, где нам показали книги, переданные в свое время семьей Щербаковых. Посетили городской сад, бывший Щербаковский, про который папа в последние годы часто рассказывал. Огромное спасибо всем за подаренные нам книги, которые мы уже все изучили, в результате чего многое стало более понятным и в папиных рассказах.

Посещение Тары во многом изменило мое отношение к моему деду Ивану Федоровичу Щербакову. Если раньше я воспринимала его как очень интеллигентного, доброго, спокойного и любимого человека, то в Таре я поняла, какого большого мужества был этот человек, сумевший с достоинством принять все изменения в своей жизни, и сколько всего было в его душе всю оставшуюся жизнь. И к любви прибавилось огромное уважение и преклонение перед его жизненным мужеством и терпением. Жалею, что мы с ним мало разговаривали, а детям моим не довелось его знать.

Мы все трое очень рады нашему знакомству с вашим и теперь нашим городом, нашему коллективному общению и надеемся, что встреча с нами также дала вам новую информацию о семье Щербаковых и не разочаровала вас в их наследниках. Надеемся на вероятность новых встреч.

Щербакова Галина Николаевна

1. ВСПОМИНАЯ О РОДИНЕ

Родина моя – сибирский город Тара бывшей Тобольской губернии, теперь Омская область, где я родился в 1912 году 24-го февраля. Крещен в приходской церкви и назван Николаем еще за три-четыре месяца до рождения. Родителям хотелось дать будущему ребенку мужского рода имя Николай в честь деда – отца матери и дяди – брата отца – зимник Николая. В те далекие времена дни рождения не справлялись, а только именины. Именины зимнего Николая – 19 декабря.

Отец мой родился в 1882 году и тоже в Таре. Там он работал уездным агрономом после окончания сельскохозяйственной академии им. Тимирязева в Москве. В Москве он женился на средней дочери хозяина дома Николая Ивановича Алексеева (другие сестры Евгения и Александра), у которого семья Щербаковых снимала квартиру на втором этаже. Там же, в Москве, в 1909 году родилась моя старшая сестра Надежда. Сестра Ольга родилась в Сибири в 1916 году. Были еще у меня брат Федя и сестра Валерия, но они умерли в Таре в возрасте до одного года (доктор Щеглов). Федя умер от заворота кишок. Валерия от менингита. Живя в Москве, семья Щербаковых – мой дедушка Федор Иванович, бабушка Надежда Прокопьевна, их старший сын (дядя Коля – Николай Федорович), отец (Иван Федорович) и младшая сестра тетя Таня (Татьяна Федоровна) – дружила с семьей хозяина дома, дедушки Николая Ивановича Алексеева. Ходили часто друг к другу в гости, благо ходить недалеко, сверху вниз и наоборот. Дружба двух семей оказалась счастливой для молодых людей, моих будущих отца и матери, а также дяди Коли и двоюродной сестры и закадычной подруги матери – тети Веры (Веры Сергеевны Кашириной). В один и тот же день они венчались и в одной церкви, после соответствующего подношения попу. Оказывается, венчать родных братьев на даже двоюродных сестрах по церковным законам не разрешалось.

Дом этот, в котором жили Алексеевы и Щербаковы, пережил своих хозяев и квартирантов, и стоит он на углу улицы Чернышевского (б. Покровка) и Белгородского проезда под №21/25. (В нижнем этаже дома размещалась пекарня и магазин под вывеской «Булочная и кондитерская Алексеева Н. И.». Во время Великой Отечественной войны в 1943 году от упавшей недалеко фашистской авиабомбы часть дома – середина его часть – вместе с лестничной клеткой рухнули, жертв по чистой случайности не было. После победы над фашистской Германией дом был восстановлен. Вместо пекарни на первом этаже построили две квартиры. Голландское отопление заменили на центральное.

В Москве отец учился в Высшем Техническом Императорском училище (ныне училище им. Баумана), но был исключен за участие в антиправительственной демонстрации и революционном студенческом движении в 1904–1905 годах, но путь в сельскохозяйственную академию не был заказан, и он ее благополучно окончил.

2. РОДИТЕЛИ И РОДСТВЕННИКИ

Мой дедушка Федор Иванович Щербаков работал акцизным чиновником (по ведомству виноделия?), имел звание потомственного гражданина, видимо, перешедшее к нему от прадеда моего – Ивана Ефимовича, мирового судьи. Дедушка рано умер, не дожив до рождения своего внука, пишущего эти строки. Ему было около 50 лет, когда он скончался. Говорили, что он был чрезвычайно рассеянным. О его рассеянности ходили даже легенды. Помню один эпизод об этом, рассказанный моей бабушкой Марией Васильевной Алексеевой. Однажды мой дед Федор Иванович пришел в гости к Алексеевым, то есть поднялся со второго этажа на третий, одетый в пальто, в шляпе, с зонтиком, в резиновых галошах. А день был ясный, летний, и выходить на улицу надобности не было. На

вопрос, почему он явился в таком наряде, он ответил: «Ах, я опять забыл».

Бабушка Надежда Прокопьевна, которую я тоже в живых не застал, была из богатой семьи екатеринбургских конезаводчиков Подаруевых. Эти люди славились не только своим богатством, но и патриотическими, прогрессивными делами, направленными на благо своего народа и, в первую очередь, своих горожан. По свидетельству московской прессы (статья была в одной из газет в шестидесятых или семидесятых годах – точно не помню), при проведении земляных работ в городе Свердловске была обнаружена сеть деревянного водопровода времен XVII–XVIII веков. Было установлено, что водопровод сооружен при участии и на средства Подаруевых – моих предков.

Про бабушку говорили, что она была добрая, щедрая, любила животных – конечно, лошадей и собак. Сохранилась фотография, где она сидит с собаками – огромным волкодавом и маленькой болонкой. В семью Щербаковых принесла в качестве приданного серебряные кубки – призы за победы на бегах и скачках. На всех кубках, больших и малых, были выгравированы изображения лошадей и даты побед. Внутренности некоторых кубков были позолочены. Выглядели они изумительно красиво. Было также столовое и чайное серебро с вензелями – инициалами бабушки «НП» – Надежда Подаруева. К сожалению, часть фамильного и другого серебра была утрачена еще при жизни родителей. Но небольшая часть серебра столового и чайного, в том числе и фамильного, сохранилась как у племянницы моей (дочери сестры Надежды), так и у меня.

Бабушка и дедушка Щербаковы после смерти похоронены были на Измайловском кладбище в Москве. Теперь этого кладбища нет давно – его снесли, а на его месте теперь обширный сквер со старыми вековыми елями. После свадьбы и смерти родителей отец и мать отправились в свадебное путешествие по странам Европы. Были в Германии,

Франции, Италии. Это те страны, о которых я помню по рассказам матери. Мать прекрасно знала французский язык, немецкий, английский. Отец многое понимал, читал, но так, как мать, разговорной речью не владел.

Вскоре после этого родители мои переехали в Тару.

В то время Тара была маленьким уездным городком, расположенным на левом таежном берегу реки Иртыш. Название город получил от правого притока Иртыша – реки Тары. Город расположился на левом берегу, почти приткнувшись к самой опушке тайги на возвышенном плато. Между городом и рекой низменность, на которой есть и болота, и непроходимые топи, через которую вилась змейкой дорога к пристани. Город, сам по себе, был ничем не примечателен. В нем было не более 300 дворов. Основное занятие жителей – охота, рыболовство, шишкование, широко было развито деревообрабатывающее дело и производство из бересты туесов и другого домашнего скарба. Из смолы хвойных деревьев изготавливалась так называемая серка, которой пользовались все жители, особенно дети. Серка отлично очищала зубы и укрепляла десны. Тара – город с деревянными одно- и двухэтажными домами и деревянными тротуарами. Кирпичных зданий было мало – только единственная церковь, гимназия и несколько купеческих лабазов. Дом моего отца был двухэтажный, верх деревянный, а первый этаж кирпичный. Подобный дом был еще у единственного врача города Щеглова, у священника приходской церкви и самый большой – у градоначальника Балыкова. Места здесь были глухие, таежные. Связь с другими городами (Тобольском и Омском) осуществлялась по Иртышу пароходом только летом, зимой на лошадях. Колесных дорог не было, да и проложить их тогда не было никакой возможности – сплошные болота, топи и непроходимая тайга. По административному делению Тара входила в состав Тобольской губернии. Были случаи захода в город медведей-шатунов и

лосей. Ближе всего к лесу примыкала базарная площадь. Однажды на базарной площади с таким медведем встретилась моя мать, которая вынуждена была укрыться в доме доктора Щеглова, который его и застрелил.

В Тарском уезде сеяли только пшеницу, поэтому достать черный хлеб было проблемой. При доме был большой сад, как часть тайги. В нем росли кедры, ели, сосны, лиственных деревьев немного, в основном березы. В культурной части были проложены дорожки, которые в зимнее время превращались в ледяные для катания на коньках, посещались многими любителями конькобежного спорта. В центре сада была земляная горка – летом она была как клумба, засаженная цветами, зимой служила для катания на санках. Была у нас в саду и исполинка, или гигантские шаги, – любимое развлечение детей и взрослых. Но самое главное и приятное развлечение детей, да и взрослых – езда верхом на лошадях. На лошадях возили воду из Иртыша, ездили в тайгу за дровами, в кедровник за шишками, на базар и в гости. На масленицу по всему городу разъезжали ряженые в вывернутых мехом наружу шубах и полушубках, с размалеванными сажей лицами на разукрашенных разноцветными лентами лошадях. Были и такие оригиналы – вместо санок прицепляли к лошади стиральные корыта. Словом, все стремились, чтобы было весело и вызывало смех.

Вокруг тайга с глухарями, рябчиками, кедровыми шишками и много лошадей. Лошади были в каждом дворе Тары. На лошадях возили воду из Иртыша, так как водопровода в Таре не было. У нас было четыре лошади: полукровный рысак Молодой, на котором устраивались торжественные выезды, он же был непременно участником рысистских соревнований с наездником в лице моего отца; вороной жеребец Медведчик – водовоз; спокойный гнедой мерин Васька, на котором отец разъезжал по служебным делам по уезду. И еще Татарчонок – необъезженный конь.

В доме была детская комната, к ней примыкала комната няни (бонны). Смежная с детской была продолговатая, вдоль наружной стены, столовая. За столом во время завтрака, обеда, ужина мы встречались с родителями, если не было гостей. При гостях нам было запрещено находиться за столом. Столовая соединялась с гостиной – большой угловой комнатой с пальмой. Из гостиной можно было попасть в кабинет отца с большой библиотекой. Еще была спальня родителей и кухня. Непременным блюдом у нас, как у всех сибиряков, были пельмени. Я очень любил жареные пельмени. А отец, собираясь в очередную поездку по уезду, всегда с собой брал мешок мороженных пельменей.

Мой отец Щербаков Иван Федорович работал уездным агрономом, много ездил по уезду, встречался с разными людьми в том числе и с революционно настроенными. В нашем доме укрывались от преследования полиции. Дома у нас укрывалась одна большевичка, спасаясь от преследования полиции. Я даже немного запомнил ее внешность. Была она коротко пострижена, что очень бросалось в глаза среди женщин того времени. За свою революционную деятельность отец даже подвергался домашнему аресту. О своей революционной деятельности отец не любил говорить даже в семье. Дом был открытый для людей разного сословия. Отец и мать, чем могли, помогали бедным, за что отец пользовался среди простых людей огромной популярностью, особенно среди крестьянства окрестных сел, где он неоднократно бывал во время своих поездок по уезду в качестве агронома.

Летом выезжали на дачу в Екатерининский завод, который находился на правом берегу на пригорке. Пейзаж – как на картине Крамского «Лунная ночь».

Начиная с 1917 года, в Сибири начались тяжелые годы революции, партизанское движение и белогвардейские банды во главе с атаманом Семеновым, Рубцовым и другими. До Тары революция докатилась в 1918–1919

годах, в это время к нам приезжала тетя Таня со своим мужем Борисом Шеньяном, офицером еще царской армии., они уезжали на Дальний Восток. Отец был комиссаром партизанского отряда. Вспоминаю эпизод: отца в доме не было, а нас разбудила артиллерийская канонада со стороны Иртыша. От отца прискакал гонец за нами, так как оказалось, на город наступали семеновцы или банда атамана Анненкова. Мать с детьми (я и две сестры), с кухаркой и бонной выехали из Тары на тарантасе ночью под свист пуль. Мы приехали в какую-то деревню, где увидели толпу вооруженных людей во главе с отцом. Нас поместили в какую-то избу, и мы уснули. Что было дальше, я не помню. Когда город освободили, мы вернулись домой. В городе утвердилась советская власть. Дом был разграблен, уведен конь Татарчонок, который через некоторое время вернулся из тайги с человеком, которого он протащил по тайге. Это оказался казацкий урядник. Мы переехали в Омск. В Москву вернулись в 1920–21 году.

Брат отца Николай Федорович жил со своей женой Верой Сергеевной (Кашириной) в доме напротив нашего, под № 19 (бывший дом Рахманова) на втором этаже и занимал одну большую комнату. По профессии он был инженер-мелиоратор. Дядя Коля был очень привлекательным мужчиной: стройный, выше среднего роста, с безупречной офицерской выправкой, сероглазый, с очаровательной улыбкой. Меня учил ходить прямо, называя сибирским медвежонком: ставил на плечи по стакану воды, и надо было пройти, не расплескав. Так учили (он говорил) в царской армии. Был участником войны 1914 года. Под стать ему была и тетя Вера.

В 1937 году он был арестован, осужден по делу «промпартии» и сослан в Карелию, в местечко Медвежья гора, участвовал в строительстве Беломорско-Балтийского канала. Через несколько лет был реабилитирован. Умер он вскоре после Великой Отечественной войны.

Тетя Таня (Татьяна Федоровна), по мужу Шеньян, была поздним ребенком и самой любимой у родителей. В 16 лет тетя Таня вышла замуж за финского подданного, служащего в царской армии в инженерных частях. Революцию он не принял и, отобрав у матери малолетнюю дочь Нину, уехал в Китай. Тетя Таня осталась на родине, но без дочери, которую впоследствии долго и безрезультатно искала. *В советское время Татьяна Федоровна преподавала в одной деревенской школе Тамбовской области* (курсивом уточнение Щербаковой Г. Н.)

Дедушка и бабушка Алексеевы – московские купцы конца IX – начала XX века. Дедушка Николай Иванович (одинадцатый или двенадцатый по счету в семье своих родителей) был человеком хозяйственным и предприимчивым. Имел в своем доме булочную-кондитерскую с пекарней. Сам прекрасно владел искусством хлебопечения, поэтому большую часть времени проводил в пекарне. Он был стройный, подвижный, роста выше среднего, жгучий брюнет с пышными усами и красивой шевелюрой. Первоначально дом был двухэтажный, потом надстроен до трехэтажного, надстраивал его дед своими руками.

Бабушка Мария Васильевна (Озерова) всегда была стройна, подтянута, носила плотно облегающий фигуру корсет. Русые ее волосы всегда были тщательно уложены в прическу с большим пучком на темени посередине. Ходила неторопливо, важно, как королева. Была строгой хозяйкой. Дома любила чистоту и порядок, все ей подчинялись беспрекословно.

Детей было трое: старшая Евгения, моя мать (Александра Николаевна) и младшая Надежда – живая радостная блондинка с голубыми глазами, любимица бабушки, увлекающаяся натура, театралка, немного занималась балетом.

ТАТЬЯНА МАЛЬГАВКО

Родилась в 1954 году в Таре. Работала в городской библиотеке, ответственным секретарем общества книголюбов. С 1995 г. работает ведущим библиотекарем МБОУ ДОД «Тарская школа искусств». Руководитель литературного клуба «Вечера на Александровской».

ПРОГУЛКИ С ПУШКИНЫМ

Это была авантюра чистейшей воды, блестящий экспромт и просто замечательная история. До двухсотлетнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина оставался ещё целый год, а я подумала: «чего время-то зря терять?», и осенила меня идея – снять фильм. Для начала. Видеокамеры ни у меня, ни у ребят нет, но есть местная студия телевидения. Звоню приветливой телеведущей Ирине Красновой:

– Суть такова: участники поэтического клуба читают стихи Александра Сергеевича на камеру. Вот, собственно говоря, и всё. Ну, согласитесь, как это свежо и необычно. Порадуете своих телезрителей креативом. Поговорите со своим начальником. А вдруг-то и даст добро.

Евгению Архипову, светлая ему память (в 2015 году его не стало), идея понравилась.

Солнечный май, яблони в цвету... Съёмки начались в любимом нами городском парке, нравилось нам некогда посидеть в беседке да почитать стихи. И вот Наталья Кускова, тогда уже автор двух поэтических сборников – «Весеннее тепло» и «Изморозь», под сенью берёз благословенных старательно декламирует: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое...». Александр Дерюшев рядом с танцплощадкой проникновенно, словно обращаясь к любимой женщине, признаётся:

«Я вас любил, любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем.
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем».

Студентка Светлана Плюснина (Сумина) – красавица, поэт в неё непременно бы влюбился, на фоне паркового фонтана восклицает:

«Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
и поэтические слёзы».

Светлана теперь многодетная мама и, может быть, гуляя с детьми в парке, расскажет им, а потом и внукам, про наше кино. А её подруга Юля Петрушина, тоже студентка филфака, с третьего дубля (у нас ведь всё было всерьёз) справилась со стихотворением, адресованным поэтом жене Наталье Николаевне – «Мадонна. / Чистейшей прелести чистейший образец». По окончании вуза Юля с родителями уехала в Алтайский край. Она одарённый человек, писала неплохие стихи. Удивительные у нас в клубе люди. Ольга Тупикина – учитель физики и астрономии. Про таких говорят «учитель от Бога» – умница, нетривиально мыслящий человек, прочла тогда ироничное: «Каков я прежде был, таков и ныне я...».

И так пешеходная прогулка с Пушкиным продолжается. Вот эта улица, вот этот дом – Советская, 16. Обычно, проходя мимо этого двухэтажного старого деревянного дома, невольно бросала взгляд на промытые до блеска два крайних на первом этаже окна, чтобы восхититься ухоженными заботливой хозяйкой Галиной Михайловной Пешковой геранями и глоксиниями. Если чуть-чуть пофантазировать, то в комнатке за стеклами окон легко представить Сашу Пушкина с няней Ариной Родионовной, и то, как «...на одной из стен лачужки, \ в глухом неведомом краю \ тень стихотворца тенью кружки \ пьёт участь горькую свою».

А тем временем библиотекарь Вера Носкова, известный тарский краевед, читает:

«Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье...»

Следующая остановка – реконструированный фрагмент Тарской крепости возле здания КДЦ «Север». Здесь Костя Атюрьевский, сейчас юрист и предприниматель, а тогда – студент и начинающий поэт, воздев руку в синь неба, читает:

«Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры
Ваши синие глаза».

В первый съёмочный день поработали довольно продуктивно. Ощущение праздника не покидало меня. Казалось, нам помогали сам Пушкин, он незримо был с нами. А спустя два дня доснимали последние эпизоды с Денисом Блиновым и со мной. Денис был точь-в-точь похож на юного Пушкина: смуглый, курчавые волосы, стремительная походка. Ему досталось трудное стихотворение:

«Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом...»

Вероятно, я была неправа с выбором, ведь ему, мальчишке, многое в стихотворении было непонятно, а он был пытлив, скрупулезен, задавал мне множество вопросов. А я что, Пушкин? Но с ним было так интересно. Снимали нас за углом школы искусств, где я работала. Теперь там городская мэрия. Рядом росли клёны. Некоторое время спустя на том месте началось строительство театра, на сцене которого уже актёр Денис Блинов сыграл немало удачных ролей, хотя его творческий потенциал не использовали в должной мере. На мой взгляд, он был способен на большее. Отыграв несколько сезонов, он ушел из театра, а потом и вовсе уехал с семьёй в Краснодар. Я же читала одно из любимых моих стихотворений:

«Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь.
День веселья, верь, настанет».

С добрым чувством вспоминаю нашего кинооператора. Он не просто весь этот процесс перетерпел как некую данность, но, технарь по своей сути, с неподдельным интересом то и дело вопрошал, листая подготовленные мной для фильма книги и художественные альбомы.

– А это кто?

– Антон Дельви́г и Иван Пу́щин – друзья поэта.

– А это?

– Ганнибал, прадед Пушкина.

– Тот самый арап Петра Великого?

– Тот самый.

Перелистывая альбом художника Виктора Попкова:

– А это что за местность?

– Михайловское, место ссылки. Здесь Пушкин прожил целый год.

– А это Зинаида Волконская – царица муз и красоты, – опережая его вопрос, говорю я.

Да, к сожалению, наш фильм посмотрели немногие. В разгаре был огородно-дачный сезон – священная для тарчан пора. Плёнку, в целях экономии, телевизионщики «смыли». Мы и переписать его не успели. Великолепные прогулки с Пушкиным остались в нашей памяти. Вот так и рождаются легенды...

Из воспоминаний Валентины Алексеевны Рычковой

Родилась в 1931 году в с. Кейзесс Седельниковского района Омской области. В 1954 году окончила Омский педагогический институт им. А.М. Горького. По распределению работала в тарской школе рабочей молодёжи преподавателем географии, затем в школе №4 до выхода на пенсию.

Награждена Почётной грамотой Министерства образования СССР.

В настоящее время проживает в Омске.

Я родом из прошлого века! А люди из прошлого – само прошлое. На склоне лет бывает дороже настоящего!!!

Сейчас сожалею, что не интересовалась прошлым родителей своих родителей, упущено время, спросить уже не кого.

Мои родители, простые крестьяне-переселенцы из Вятской губернии в 18 веке в поисках земель и лучшей доли ехали на освоение таёжной Сибири в Омскую область, Седельниковский район. Земли много, вековая тайга, необъятные просторы прельщали переселенцев. Жили в землянках большими семьями, валили вековые деревья, строили жильё, корчевали и распахивали земли. Появлялись хутора, деревни переселенцев в таёжном крае. У меня и сейчас на слуху названия некоторых деревень, которые я слышала в детстве из уст родителей или от гостей, дальних или близких родственников, которые бывали у нас по каким-либо причинам, посещая Тару. Деревни Голубовка, Андреевка, Болгун, Кукарка, Филатовка и другие, многих уже давно нет, как «неперспективные» в своё время исчезли с лица земли.

Мои родители и многие родственники, перебравшись в Сибирь, осели в с. Кейзесс, Седельниково и в ближайших к ним деревнях, основанных переселенцами в прошлом.

В семье было пятеро детей.

Отец – Плехов Алексей Павлович и мать Плехова (Банникова) Пелагея Никоноровна – простые крестьяне: мать неграмотная, мудрая, душевная, уважаемая женщина, вынесшая на своих плечах все тяготы смутного времени прошлого – тяготы войн – Первой мировой, Великой Отечественной, финской, гражданской, колчаковщины.

Отец имел два класса церковно-приходской школы. Детям прививали доброту, трудолюбие, честность, порядочность, уважение к старшим.

Дети подрастали. Надо ставить их на ноги, учить. Решили переехать в Тару, два маминых брата с семьями уже жили в Таре. И вот, в 1923 году надумали. Но купить жильё для такой семьи с нашим достатком не смогли и вернулись в Кейзесс, где мы жили.

А после моего рождения (1931 год, 8 сентября), сделали ещё одну попытку переехать в Тару.

Купили дом в центре города, в его подгорной части на улице Промышленной, 23 (ныне – ул. Матросова, 23). Улица короткая, вдоль реки Аркарки. По правой стороне от спуска с базарной площади (где сейчас построен Дом культуры со сторожевыми башнями), было 16 домов, огороды в гору (обрабатывать их было нелегко). Вдоль домов деревянные тротуары. 5-6 домов выглядели прилично. В одном из этих домов жил мастер выделки кож, работал на кожзаводе. Ещё в одном – варили сушки и развозили для продажи по деревням. Может, поэтому улица называлась Промышленная. Но промышленности на этой улице не было никакой.

Прилично выглядела и наша усадьба в конце улицы. Наверное, самый большой по площади огород, во дворе мостовая, флигель, добротные надворные постройки. Но не были мы зажиточными или мастеровыми, а просто голытьба. За нами было еще два дома и подъем на гору – этим заканчивалась улица. Противоположная сторона

улицы была ещё короче, огороды упирались к реке.

Местность была немного к реке понижена, а в половодье затапливалась. Напротив нашего дома домов на противоположной стороне улицы не было. Место было благодатное – кругом полянка, река без зарослей крапивы и лопуха. Отличное место для выпаса всякой живности, а она была в каждом доме, и для отдыха ребятни. Никто нас не развлекал. Сами придумывали занятия для себя – купались, загорали, гоняли мяч, мальчишки играли в «бабки», девчонки – в «классики» и другие игры, не забывая об обязанностях по дому и хозяйству.

Зимой катание на санках с горы (где повыше), осенью на коньках на замёрзшей реке. Зимой на заречных заснеженных просторах – на лыжах.

Перед войной из колхозов от «счастливой» жизни стали перебираться в город, и наша улица быстро приросла новостройками. Центр города, река, благоприятные условия для содержания всякой живности привлекали. Но эта местность в половодье весной затапливалась. И эта часть улицы, недавно застроенная, часто страдала от затопления, страдали не только огороды, оставляя жильцов без урожая, но и сами дома.

Особенно сильное на моей памяти было наводнение весной 1941 года. Дома просто стояли в воде до верхних рам почти всё лето, зато в реке было полно рыбы, которой мы наелись, наверное, на всю жизнь.

...Дни мелькали, годы пролетали
В городке у родимой реки.
Эту улочку городка
На заснеженном берегу
Близко к сердцу я берегу!!!
Здесь детство спряталось моё
За каждой старенькой калиткой...

Здесь жили люди добрые, отзывчивые. Не было вражды соседей, зависти. Все знали про всех и всё!

...Большая обмелевшая речка,
Ручейком став, из детства бежит...
Люблю я древний город Тару,
Зелёных улиц тишину,
Подъём наезженный к базару,
Лабазов, лавок старину.
...Глаза прикрою – вижу дом
И покачивающую баню у плетня
Туман над утреней рекой
И нас, мальчишек и девчонок, в том тумане!..

Окунувшись в воспоминания прожитого детства, юности, годы учёбы в школе и институте – все этапы жизни выпали нашему поколению на трудные довоенные, военные и послевоенные годы, в памяти невольно вспоминаются все «прелести» тех лет.

Голодное босоное детство и юность, голодные года – все сумели выдержать, пережить, веря в светлое будущее, оно было так далеко и не видно его. Но жили надеждой.

В труде, любви и вере
На собственном примере
Воспитывались мы!!!

Не помню, какие это были годы, я была ещё маленькая, не училась в школе. Магазины изобиловали товарами и продовольствием. Все магазины были на базарной площади, близко от моего дома, – это были магазины бывших купцов. Но мы мало что покупали на нищенскую зарплату конюха. Чай заваривали из корочки тыквы. Конфеты «подушечки», сахар редко. Но по какой-то причине, нам непонятной, быстро всё исчезло, магазины опустели. На центральной улице Свердлова был ещё магазин «дежурка», богатый, но и он опустел. А магазин № 7 был царством кукол и других детских игрушек. На витрине за прилавком стояла кукла с закрывающимися глазами. Я часто бегала в этот магазин (благо он был близко от моего дома), чтобы посмотреть на эту куклу и мечтала, чтобы мне её купили. Правда, купили мне куклу с закрывающимися глазами, но небольшую, и я была рада, берегла её долго.

А играли с подружками куклами кустарного производства и со всякими стекляшками.

Перед войной за хлебом стояли ночами, чтобы сохранить очередность, занимали очередь с вечера, часто её пересчитывали, караулили всю ночь, чтобы её не потерять. Семья была большая, очередь караулили старшие, а меня (мне было, наверное, лет семь), мама рано разбудит, тепло оденет, проводит за ворота, я поднимусь на гору, там меня встретят. Когда магазин откроют, очередь выстроится, и через одни двери по несколько человек впустят. Порядок наводили сами очередники, через другие двери выходили, чтобы не было толпы. Хлеб не взвешивали, а давали одну булку в руки, поэтому очередь двигалась быстро.

Меня прикроют полой полушубка или тулупа и протолкнут в магазин. Булка кирпичиком, большая, ароматная, белая, так и съел бы её разом, но несёшь её, как драгоценность. Магазин этот был рядом с аптекой, где на втором этаже в своё время была контора ГОРПО, он так и остался магазином, в разное время в нём торговали различными товарами. А вечером опять на дежурство, на всю ночь.

Ну, а в годы войны хлеб давали по карточкам – 200 иждивенцам, 400 работающим. Отоваривали в магазине № 3. Первый из купеческих магазинов на базарной площади. В других районах города были другие точки торговли – «дежурка», магазин № 10 и другие.

А в этом здании, где слева два окна, были входные двери и располагался магазин, обслуживающий по аттестатам офицерские семьи и чиновников местной власти, не только хлебом, но и другими продуктами, называли его «Закрытый». После войны там долгое время была сберкасса на верхнем этаже, потом Клуб афганских ветеранов, где был магазин – фильмотека (угол Дзержинской улицы).

Подкрадывалось смутное, страшное время – Война!

В 1938 году, выйдя замуж, сестра старшая Мария с мужем уехала в Ростов-на-Дону. Там умерла при родах. Где похоронена, не знаем. Поехать на похороны было некому и не на что. В 1939 году ушёл в армию старший брат Павел (тогда служили в армии три года), осенью 1941 года должен был вернуться домой. Но началась война, и его мы больше не видели. В 1943 году в июне погиб на Курской дуге.

В 1940 году я пошла учиться в первый класс в начальную школу №5, она была близко от дома, что было для меня очень хорошо. На улице Луначарского, сейчас это улица Спасская. Здание снесено.

Директором школы была Павилова Александра Павловна, статная, с твёрдым характером. В школе была дисциплина. А первой учительницей была Степанова Таисия Яковлевна, добрая, любимая всеми учениками, но после второго класса уехала. А в 3-4 классе учительницей была Соловьёва Вера Семёновна, её мы тоже любили.

В четвертом классе сдавали первый экзамен.

Началось тяжёлое военное лихолетие. На большой перемене учительница в большой чашке приносила булочки. Горячего питания не было, не было ни буфетов, ни столовых. Даже булочки потом стали делить пополам, разрезанные.

Вместо портфелей холщовая сумка, к ручкам которой привязан мешочек с чернильницей или просто бутылёк с чернилами. У кого что было.

Тетради выдавали только для работы на уроке. Домашние задания выполняли на газетных листах или печатных страницах старых книг между строк.

В 1944 году, после окончания начальной школы, в пятом классе часть учеников пошла в среднюю школу №2, позднее она стала школой №11, где мы окончили 10 классов (эту школу окончили в своё время и две моих дочери). Часть ребят пошла в школу №1 (позднее – школа №10, затем гимназия).

С пятого по десятый класс экзамены сдавали каждый год (но нас не подвергали унижительной «экзакуции», как сейчас, пропускающая сквозь «строй» в присутствии полиции, обыскивая с помощью металлоискателя, проверяя карманы, унижая детей недоверием. Стыдно смотреть.

Подобной процедурой унижают учителей, труд которых нелёгок. Жаль, что не сохранились здания наших школ.

Булочками нас уже не подкармливали, только в маленькой комнатке, около лестницы на второй этаж, в «кубовой», кипятили воду для питья, а бачок с кружкой стоял в коридоре.

Школа занималась в две смены. Занятия второй смены зимой и осенью приходились на тёмное время суток. Освещение было керосиновыми лампами – 7-10-линейные, со стеклом. С наступлением сумерек техничка развешивала их в классах на стене. После уроков собирала их, заправляла керосином, чистила стёкла.

А ученики, на парту каждый себе, приносили своё освещение, чтобы можно было писать, читать.

Мне брат (он был чуть старше меня) сделал миниатюрную лампу – «фитилёк». В стеклянную бутылочку наливался керосин, вставлялся фитиль, к бутылочке крепился стоячок, в который вставлялась пробирка с отрезанным дном, она не коптила, но светила. Ну а сколько от неё было света? Такой же лампой пользовались и дома, готовя уроки, или чтобы что-то почитать. На весь дом зажигалась керосиновая лампа «7-линейная» со стеклом, у кого была «10-линейная» – это уже роскошь. Лампы и стёкла берегли, так как достать их было трудно.

Когда заканчивались уроки, дежурные должны были помочь техничке наносить дров к печке, отопление было печное. Сторож или техничка всю ночь следили за топкой печей. Но тепло быстро улетучивалось, в классах было холодно. Сидели в одежде. Когда не хватало дров, использовали торф.

На окраине города, где сейчас новая средняя школа №2, было торфяное болото.

Организация «Гортоп» в городе ведала топливными ресурсами. На торфяном болоте летом резали торф для сушки, складывали кирпичики из него в стопки с определённым количеством. Зимой продавали горожанам и предприятиям.

Колхозники близлежащих колхозов осенью, закончив уборку, ехали на лошадях на заготовку дров. Колхозам давался план на заготовку.

Городские власти через «Гортоп» распределяли топливо – торф и дрова – организациям и жителям города по определённой цене.

Коллектив учителей менялся, пополнялся. Но учителя остались доброй памятью. Директором школы был Рокколаин Рудольф Иванович, его жена – Раиса Ильинична (географ), они были эвакуированы в Тару, после войны уехали.

В 9-м классе коллектив учителей пополнился молодыми учителями, выпускниками Омского пединститута. Ученики как-то сразу прониклись к нам симпатией, полюбили их за знания, талант, молодость и сохранили добрую память о них на долгие годы.

Это – Кошкарлов Павел Григорьевич (физик), в 9-м классе у нас был классным руководителем, позднее стал директором школы, его жена – Рубина Маргарита Андреевна (математик), Коршунова Зоя Ивановна (историк), Дворкин М.И. (химик), его жена Дрожжачих Надежда (биолог).

Носков А.С., Курашев В.А., Иванова (Курашева) А.Т. буквально заряжали нас спортом. Организовывали различные спортивные секции, проводили соревнования. Спорт был в почёте.

В лыжных эстафетах участвовали и команды молодёжи различных организаций.

В стенах школы рождались, благодаря труду учителей, гении, врачи, учителя, инженеры, геологи, металлурги, химики, строители, мечтатели, поэты...

После окончания десятого класса многие попробовали свои силы при поступлении в вузы. И все поступили и успешно их закончили, став прекрасными специалистами. Учились на одну стипендию, на которую надо было умудриться прожить и прокормить себя и ещё купить вещи для повседневного пользования.

Трудными были военные и послевоенные годы, на которые пришлось наше детство, юность и учёба в школе, вузах, в жизни.

Но мы входили в жизнь открыто и влюблённо!!!

Выросли порядочными, трудолюбивыми, честными людьми и в таком же духе вырастили своих детей.

В памяти нашей добрыми воспоминаниями остались школа, учителя, которые давали нам знания, путевку в жизнь, хотя годы стёрли в памяти фамилии, имена некоторых, но помнятся их лица. Все они заслуживают светлой памяти и благодарности.

...Бегут года, но слово тёплое – учитель
Всегда заставит вспомнить что-то
Разное, близкое тебе...
Учитель вечен на Земле.

Досталось мне в студенческие годы. Жила и училась на стипендию. Первые два года жили с девочками на частной квартире. В старом общежитии мест не было, профком нам, только поступившим в институт, давал адреса, по ним мы сами искали жильё. Новое общежитие строилось на улице Куйбышева, рядом с химико-технологическим техникумом.

Города Омска мы не знали, как птенцы, держались стайей, поэтому искали, чтобы быть вместе. Четыре девчонки учились в Таре в одном классе, боялись оторваться друг от друга. Через несколько дней начался учебный год, а мы ещё без жилья. Измученные поисками, мы по адресу, который получили в профкоме, попали на улицу Ремесленная, 4. Домик был небольшой,

комнатка и кухня. Хозяйка жила с дочерью, которая работала охранником на каком-то заводе, и внуком, который ещё в школу не ходил. Нам предложили жить на кухне. Уставшие от поисков бесплодных, мы, конечно, согласились. Двора как такового не было, маленький участок в виде огорода, за нашим домом был ещё один дом и спуск к реке Омь, по берегу которой, как птичьи гнёзда, прилепившиеся домики, непонятно из чего сооруженные. Усадьба нашего дома отделялась каким-то массивным забором из толстых досок и кирпичных столбов. Я спросила бабушку, это что, завод какой-нибудь? Она говорила, что нет, это еврейское кладбище. Я чуть не упала под стол. Но куда было деваться, остались жить. Спали ярусом – старая маленькая железная кровать, пружины были связаны проволокой и верёвочками. Вдвоём спали на этой кровати, едва уместаясь. Рядом я вытаскивала из-под кровати свой деревянный чемодан, на него матрас, который нам выдали в институте, и подушка (неизвестно какого времени пользования) и рядом на пол стелили матрас, ещё одна. Рядом входная дверь зимой покрывалась изморозью и куржаком. Наше меню было такое: кусок хлеба, намазанный маргарином и посыпанный сахаром, кружка некипяченой иртышской воды. Из-за экономии энергии кипятить чайник не

разрешалось. В институте столовой или буфета не было, да и денег, чтоб там питаться, не было, все мы были из небогатых семей, не избалованы. Да и в Таре, наверное, тогда богатых не было, или мы их не знали. Но мы не роптали. Нам казалось, всё хорошо. Ходили в институт пешком, редко на трамвае. Но стройка нового общежития затягивалась, и мы попали в него уже весной, когда учились на втором курсе. Там, хоть ненадолго, мы почувствовали счастье и немного уже привыкли к городу, который, конечно, был не такой, как сейчас.

Думать о нарядах, увеселениях и прочем не приходилось. Хотя магазины тогда уже не были пусты, как несколько лет назад. Лекции не прогуливали. Не скучали, дома после занятий находили, чем заняться: читали книги, вышивали, вязали.

После окончания института все мы разлетелись кто куда. Было 10 точек на восток, 10 точек на Алтай и в Тарский район. Я вернулась домой. Отец и мать были уже в возрасте. Работать я начала в школе рабочей молодежи, где проработала девять лет, а потом в школе №4 до пенсии.

Остальная моя жизнь прошла в родном городе и родительском доме.

И сейчас я осталась одна из большой дружной семьи, храня светлую память о прошлом.

В фондах Тобольского архива немало любопытных документов, касающихся города Тары и бывшего Тарского уезда. Документ, не отягощенный позднейшими интерпретациями, тем и ценен, что является зеркалом своей эпохи, живым словом, которое каждый волен понимать на свой лад. Зачастую краеведы-историки, оперируя фактами, выстраивают их в логике своего исследования, тем самым подталкивая читателей в нужном им направлении, мешая выработать самостоятельный взгляд на явления и процесс истории.

Мы прилагаем нашим читателям прочесть документы в первоизданном виде и самим решать, чему верить и как интерпретировать описанные факты.

Рубрику «Живое слово» вполне можно было назвать иначе – «Без комментариев», поскольку в ней вы не найдёте субъективных аналитических выкладок. Лишь документы, более объективные, а значит, дающие больше пищи для размышлений и собственных выводов. В первом выпуске альманаха таким документом становится рапорт тарского уездного исправника по секретной части, в котором он повествует о вымогательстве денег у купца Н. К. Машинского. В полном варианте текст публикуется впервые.

*3 февраля 1912 года.
Тобольскому Губернатору*

РАПОРТ

25 января Тарским купцом Николаем Кирилловичем Машинским доставлено мне адресованное на его имя и полученное в тот же день по городской почте анонимное письмо, на конверте которого имеется отпечаток штемпеля почтовой конторы 24 января.

В письме этом неизвестное лицо предлагает Машинскому положить вечером 24-го января 300 рублей под левый угол крыльца его магазина, находящегося на Базарной площади. Хотя указанный в письме срок и истёк, тем не менее мной было сделано распоряжение иметь строгое наблюдение за людьми, проходившими ночами мимо сказанного магазина, но наблюдение это оказалось безрезультатным.

31 января тем же купцом Машинским было получено другое анонимное письмо, писанное одной и той же рукою, которым вновь предлагалось Машинскому положить ту же сумму на Зелёной улице у фонарного столба близ дома Лобанова с предупреждением, что если не будет этого выполнено, то он будет убит.

Я распорядился установить в указанную ночь засаду из переодетых городовых Полицейских служителей на предмет задержания злоумышленников, а Машинскому предложил часов в семь вечера проехать этой улицей и положить какой-либо тючок на указанное в письме место. Машинским предложение моё было исполнено, но когда он положил в указанное место тючок, то это заметила проходившая мимо женщина и сказала об этом живущему в соседстве еврею Зильберману. Последний поднял и разорвал этот тючок, бросил его на то же место.

Таким образом, положенное было поднято не тем лицом, для которого предназначалось. В тот же вечер поставленный по Зелёной улице для наблюдения за проходившими подозрительными личностями городской полицейский служитель Лешков повстречал неизвестного человека, который, приблизившись к нему, спросил: «Кто такой?». Посторонившись от него, городской прошел мимо, но неизвестный ускорил шаг и вплотную подошел к городовому, тогда последний вынужден был оттолкнуть его от себя.

В этот момент появившаяся невдалеке женщина крикнула неизвестному: «Бей, это полицейский!». Тогда мужчина подскочил к городовому и нанёс ему ножом лёгкую рану в левый бок и, совершив это, скрылся, оставив на месте преступления шапку. При розысках вскоре был задержан в соседнем с местом происшествия доме Тарский мещанин из ссыльных Константин Томашевский, которого Лешков признал за личность, нанесшую ему ранение. Обвиняемый задержан.

Донося о вышеизложенном, докладываю Вашему Превосходительству, что дознание по этому делу производится, нанесённая Лешкову рана не угрожает опасностью для жизни.

Уездный исправник по секретной части. 3 февраля 1912 г.

Переписка с Тобольским уездным исправником по разным вопросам // ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 26. Д. 69.

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

НЕОДОЛИМАЯ ТВЕРДЫНЯ 3

ПОЭЗИЯ

Ольга Старинская 4

Александр Дерюшев 6

Татьяна Комылина 9

ПОЭТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Сергей Васильев 12

Надежда Котова 12

Геннадий Ромашов 12

Юлия Михалёва 13

Илмир Колдашев 14

Светлана Шумило (Авласович) 14

ДЛЯ ЮНЫХ ТАРЯН

Анна Храмова 15

Наталья Кускова 15

ПРОЗА

Константин Тигов 18

Александр Тихонов 27

Наталья Кускова 32

ИЗ АРХИВОВ НАШЕЙ ПАМЯТИ

Из воспоминаний Николая Щербакова 35

Татьяна Мальгавко 40

Из воспоминаний Валентины Алексеевны Рычковой 42

ЖИВОЕ СЛОВО 48